
Саша КРУГОСВЕТОВ

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

Повесть

Если сегодняшнее утро и наша встреча — только сон, пусть каждый думает, что этот сон — его собственный. Может быть, мы от него проснемся, может быть, — нет. Мы вынуждены его принять, как принимаем этот мир и факт, что появились на свет, что видим и дышим.

Х.-Л. Борхес

Скамейка длиною в тридцать пять лет

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного насада
ночной корабль негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

И. Бродский

В мае 2002 года Феликс оказался в Хургаде на берегу Красного моря. Остановился в отеле «Лампа Аладдина», расположенном в том месте, где безымянная речка впадает в Красное море. Приехал один. Купаться, нырять, глазеть на кораллы, на разноцветных рыбешек и всякую другую невиданную морскую нечисть. Планировал быть с сыном и женой Вероникой — не получилось. У сына — экзамены, жена не смогла уехать из-за болезни матери. С момента знакомства с Никой он впервые отправился в отпуск один.

Десять дней под южным небом. Здоровый образ жизни. Ожидание восхода, когда краешек солнца появится над горизонтом. Утреннее купание, море, море и еще раз море. Вечерние прогулки вдоль линии прибоя или по узким переулкам старого города. Феликсу и раньше нравилось оставаться одному, наедине с самим собой. Зачем? — чтобы бездумно расходовать время. Наблюдать негу и буйство природы, размышлять,

Саша Кругосветов — прозаик, публицист. Родился в 1941 году в г. Галиче Костромской области. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Публиковался в «Независимой газете», «Литературной России», «Российском колоколе», на многих интернет-ресурсах. Лауреат Московской литературной премии, Литературной премии имени В. Гиляровского, финалист премии «Нонконформизм-2016» и других. Автор 15 книг. Живет в Санкт-Петербурге.

думать о «прекрасном и возвышенном». Чтобы шаг за шагом успокоить, привести в порядок, разложить по полочкам собственные мысли и чувства... И теперь в этой далекой арабской стране все ему было по душе — и непостижимое море, и яростное солнце, и восхитительное ничегонеделание.

Встал раньше обычного — небо светлело, но до восхода оставалось еще не меньше часа. Феликс сидел на скамье недалеко от берега моря. Справа, метрах в пятидесяти, в густом тумане виднелись неопределенные очертания дайвинг-станции, а рядом — мимо скамьи, мимо нашего задумчивого героя — лениво ползли темные непрозрачные воды зачуханной речки, ворочались, глухо вздыхали — предчувствовали скорое окончание своей самостоятельной жизни, горбились волнами, со скрежетом отползали назад, пытались отползти, переживали от того, что неминуемо сольются с безбрежным мировым океаном и навсегда исчезнут.

Вспомнилась Гераклитова метафора «река времени». Время, река времени, неразрешимая загадка... Мы, человеки, — настоящие повелители времени. Сами того не осознавая, ежеминутно управляем его движением. Думаем о прошлом — плывем против течения, останавливаем время. Произносим набившие оскомину слова: «Остановись, мгновение, ты — прекрасно!» Строим планы, создаем образы будущего, конструируем будущее детей, близких, свое собственное, проектируем города, машины, синхрофазотроны — плывем по течению, упираемся что есть силы, скорее, скорее, вперед к будущему. Опережаем свое время. О таких говорят: «Их время еще не наступило». А можем никуда не спешить — ни вперед, ни назад, — пусть поток времени несет нас к неведомым берегам, будем пассивно лежать и спокойно наблюдать за естественной «сменой пейзажа». Пока хватает сил, плывем «по» или «против». А силы кончатся — время успокоит и первых, и вторых, и тех, кто никуда не стремится.

Феликс хорошо выспался. Пребывал в отличном настроении. Накануне он выезжал к дальним песчаным пляжам. Корабль бросил якорь метрах в ста пятидесяти от берега. Отдыхающие попрыгали в море и веселой стайкой направились к светло-желтой отмели. «Какая глубина?» — спросил Феликс у кого-то из экипажа. «Цепь выбрали на двадцать пять метров, значит, глубина — метров двадцать».

Надел маску и без ласт сиганул в воду. Через каждые два с половиной-три метра зажимал нос, продувался и продолжал движение вниз. Становилось все темнее и холоднее. Погружение проходило гладко. Наконец появились неясные очертания волнистого песчаного дна, совсем рядом, перед самым лицом. Причин для беспокойства не было. Феликс чувствовал себя великолепно. Он достиг той счастливой фазы погружения, когда спешить уже больше некуда, когда самое трудное позади, а воздуха пока хватает и дышать еще совсем не хочется. У ныряльщика на некоторое время возникает иллюзия, что море — его родная стихия, что можно оставаться здесь сколь угодно долго, жить в воде постоянно, словно он теперь волею Нептуна навсегда превратился в безмолвную и бездушную рыбину.

Коснулся рукой белоснежного песка, стал на ноги и задрал вверх голову. Боже, как далеко до поверхности воды! Ее серебристый купол, кажется, улетел высоко в небо, так высоко, будто этот купол находится теперь где-то на луне. Страх сжал сердце — куда исчезло счастливое ощущение свободы? Феликс попытался укротить волнение, оттолкнулся от дна и заставил себя замедлить движение вверх. Все в порядке, нет причин для беспокойства. Двадцать метров — это всего лишь пятнадцать-двадцать секунд подъема, нет причин для волнения... Ну вот... Наконец-то он наверху... Первый глоток воздуха. Сумел! В свои шестьдесят, без ласт, так легко нырнуть на двадцать метров!

Он ликовал. Никогда прежде ничего подобного ему не удавалось... Даже в молодые годы. И сегодня, этим ранним утром его не покидало пришедшее к нему нака-

нуне — там, на глубине — ощущение необыкновенной легкости и свободы. Свободен. Он свободен! Где-то на далекой периферии сознания еще маячили остатки переживания внезапно возникшего там же, у самого дна, безотчетного чувства страха, такого же волнистого и нереально белесого, как и само это дно, но он постарался избавиться от ненужного и неприятного воспоминания.

Феликс никому не говорил об этом своем достижении. Однако вчера вечером около бассейна, именно вчера, его обычные компаньоны по курортному времяпровождению — новые приятели и просто соседи по отелю и пляжу — почему-то были особенно доброжелательны и держались с ним подчеркнуто уважительно. Когда на душе легко, от нас расходятся волны уверенности, силы и спокойствия. У Феликса была харизма, был некий магнетизм, к нему и раньше тянулись люди... Знакомые и незнакомые. Но вчера... Вчера это было особенно заметно.

Оглянулся по сторонам — вокруг ни души. Ночные гуляки отшумели пару часов назад, а купальщики еще не пробудились.

Внезапно его посетило ощущение «дежавю». Будто это все уже происходило с ним. Или, вернее, будто он когда-то предвидел сегодняшние переживания, наблюдал туманный пейзаж, темные непрозрачные воды реки, размытые очертания дайвинг-станции... Будто подобное ощущение посетило его во второй раз. Будто он уже побывал именно в этой временной точке. И видел то же, что сейчас. Пережил это в прошлом. Раньше. Он попытался вспомнить, когда что-то похожее могло произойти с ним. Если времени не существует, если время — только свойство нашего мышления, только способ последовательно вспоминать одно событие вслед за другим, тогда можно «вспомнить» не только прошлое, но и будущее. Феликсу показалось, что прошлое и настоящее подошли вплотную к какому-то очень важному моменту его жизни, «дежавю» коснулось его памяти и сообщило: «Вы немного сбились с пути, мой друг, но сейчас успешно вернулись уже на свою, единственно верную тропу. Поздравляю! Теперь вы можете двинуться дальше, вас ждет необыкновенное приключение».

Кто-то сел на другой конец скамьи. Феликс предпочел бы остаться один. Встать и уйти? — пожалуй, это выглядело бы невежливо.

Молодой человек стал насвистывать. Феликс вздрогнул. Этот «кто-то» пытался выводить рулады мексиканского мотива — знакомая с детских лет песня «Коимбра», которую когда-то исполняла Лолита Торрес. Мотив перенес его в старую коммуналку на Моховой. Песенку любил насвистывать их сосед Толя (надо отметить — он делал это мастерски), когда, готовясь к очередному свиданию, начищал до блеска выглядывающие из-под клешей носки ботинок. Где теперь Толя с Моховой? Как же давно это было! Незнакомец тихо пропел: «Коимбра, чудесный наш город, ближе нет тебя и краше. Мы позабудем не скоро свет из окон старых башен». Голос и свист принадлежали не Толе, но явно ему подражали.

Феликс повернулся к пришельцу и спросил:

— Откуда вы, молодой человек, из Петербурга или из Москвы?

— Не из Москвы и уж тем более — не из Петербурга. Какой Петербург — вы что, с луны свалились? — Петербург в царской России остался. Я в Ленинграде живу.

Некоторое время они сидели молча. Потом Феликс задал еще один вопрос:

— В доме тридцать шесть по Моховой, против Театрального института?

Незнакомец подтвердил. Вот это да, вот это попадание! Невероятно... Испарина выступила у него на лбу. Не может быть, неужели... Черт побери, не упускай случай, Феля, решайся, хватай удачу за хвост, пока туман не рассеялся!

— В таком случае, — жестко сказал Феликс, — вас зовут Феликс Петрович, фамилия ваша — Эйлер, вы правнук или праправнук знаменитого петербургского математика. Я тоже Феликс Петрович Эйлер. Сейчас 2002 год, мы в Египте, в Хургаде.

— Нет, это не совсем верно, — ответил незнакомец голосом Феликса, но каким-то отстраненным и притушенным, будто пришедшим издалека. И, помолчав, добавил:

— Я нахожусь сейчас в Ленинграде, на скамье в двух шагах от Невы. Странно, но мы похожи; правда, вы намного старше, и волос у вас на голове осталось совсем немного.

Феликс почувствовал внутреннюю дрожь.

— Могу доказать, что говорю правду. Послушай меня, чужие не могут знать этого. У нас комната в коммунальной квартире. Кровать родителей отделена от тахты, на которой ты спишь, книжным шкафом. В трюмо сохранилась фронтовая зажигалка отца в виде серебристого шара с ватой внутри, пропитанной керосином, и с кремешком для высекаания искры. В шкафу стоят полное собрание сочинений Диккенса и академическое издание Пушкина. Между томиками стыдливо втиснута книжка о сексуальных отношениях мужчин и женщин, которую в твою юность, как бы случайно, родители оставили на видном месте. Могу еще рассказать про тот вечер, который ты провел в гостях у Риммочки, когда был еще студентом, вечер, после которого ты твердо решил, что непременно женишься на ней. Но не женился.

— Рената, ее звали Рената, — поправил «другой».

— Да, конечно, Рената, Рина. Тебе достаточно того, что я сказал?

— Нет, нет и нет... Ничего, ровным счетом ничего это не доказывает. Видимо, вы мне снитесь, а в этом случае нетрудно понять, что вы знаете все, что знаю я. Так что ваш страстный монолог ничего доказать не может.

Феликс подумал и согласился. Молодой Феликс абсолютно прав.

— Если сегодняшнее утро и наша встреча — только мираж, видение, пусть каждый думает, что это его собственное видение. В конце концов, вся наша жизнь — не более чем сон Господа.

— Видение, сон... А если наш сон прервется? — с беспокойством спросил собеседник, пропустив мимо ушей фразу о сне Господа.

Феликсу захотелось успокоить его, заодно и самому успокоиться. Он изобразил уверенность, которой совсем не чувствовал в этот момент.

— Мой сон длится больше шестидесяти лет. Когда я вспоминаю что-то, я встречаюсь с самим собой в прошлом. С нами сейчас происходит ровно то же, только нас двое. Хочешь, расскажу тебе кое-что из моего прошлого? Для тебя оно станет будущим.

Молодой человек внимательно посмотрел на Феликса. Сказал, что тот неплохо выглядит для своих шестидесяти. А потом добавил лаконичное: «Ну ладно, рассказывай-те». Феликс, теряясь и путаясь, стал перечислять.

— Мама покинула нас пятнадцать лет назад, отец — совсем недавно. Он очень болел последние годы. Твоя сестра вышла замуж. Ее муж оказался отличным мужиком, но был старше ее почти на тридцать лет. Неудивительно, что она пережила мужа. От брака осталась дочь, твоя племянница... Она уже совсем взрослая, пока не замужем, детей у нее нет. Мы теперь живем совсем по-другому. Не «за железным занавесом». Знаем обо всем, что происходит в мире. Я, например, объехал всю Европу. Побывал в Океании, Америке, Антарктиде. Стоял на мысе Горн. Ты сейчас об этом даже мечтать не можешь.

— На мысе Горн? Фантастика! Вы бывали на мысе Горн?

«Из какого своего далека, из какого далекого прошлого явился ко мне этот гость?» — подумал Феликс и осторожно спросил:

— Как там наши домашние сейчас? Как твои друзья?

— Сейчас уже неплохо. Все тревобления позади. Отца реабилитировали. Он вернулся из Воркуты, где работал на шахте с заключенными — поселенцами. Восстановили в партии, помогли трудоустроиться. Мама тоже работает. Вы ведь знаете об

этом. Отец пытается наверстать упущенное. Читает, как бешеный. Все свободное время. Из каждой командировки привозит связки новых книг. У нас образовалась небольшая библиотека. Если спрашиваю о сталинских временах, он отмахивается, смеется: «Лес рубят, щепки летят». Я по-прежнему дружу с Левкой-Нахалюгой и Мишкой-Ортодоксом.

«Шестьдесят шестой—шестьдесят седьмой год, тридцать пять лет назад», — отметил про себя Феликс.

— Левка, Мишка — у нас тогда было принято называть друг друга Левками и Мишками. Да и сейчас, пожалуй, тоже... Что я могу сказать? Левка соблазнит Мишкину сестру, красавицу Клару, потом бросит ее. Из-за этого они с Мишкой — как бы это сказать? — в общем, перестанут видаться и разговаривать. Миша с родителями и молодой женой уедет в Америку. Иногда они приезжают в Россию. Редко. Мы редко с ними видимся. С Левкой тоже.

— Вот как получилось. Неожиданно. А мы ведь сейчас втроем — не разлей вода. Что еще? Бегаю на свидания с одной маленькой чертовкой. Влюблен без памяти. Она замужем. Может, я ей и симпатичен, не знаю. Скорее — забавляю, играет со мной как кошка с мышкой. Мы часто пьем кофе на втором этаже стекляшки — угол Суворовского и Невского. Напротив — огромный брандмауэр.

— Помню, помню. На штукатурке выбиты три женские фигуры в длинных летящих одеждах — аллегория дружбы народов: белых, черных и желтых.

— Это вы перепутали, «Дружба народов» совсем в другом районе. На брандмауэре сейчас большая реклама будущего фильма «Начало» с изображением Чуриковой в доспехах Жанны д'Арк.

Молодой Феликс на секунду заколебался, но все же спросил:

— А как вы?

— Не могу сосчитать, сколько статей ты напишешь, но точно, что их будет великое множество. Будешь увлекаться то одним направлением математики, то другим. Чистая теория принесет тебе неожиданные взлеты фантазии и одинокую радость, радость, которой ты ни с кем не сможешь поделиться.

Не хотелось говорить о сокровенном — о жене, о детях, а тот, «другой», не спрашивал. Феликс постарался абстрагироваться, говорить о нейтральном.

— Что касается истории. Карибский кризис и отставка Хрущева — это ты знаешь. У руля встал Брежнев, потом будет черед сменяющих друг друга старцев. Появится генсек Горбачев. Сдаст Восточную Германию, разрушит Берлинскую стену, распустит Варшавский военный блок. Североатлантический блок — обещали больше не расширяться на восток. Но они нас обманули. В 1991-м рухнул Союз и его политическая система, закончилась монополия компартии на власть. Мы теперь живем в Российской Федерации. Республики разбежались по национальным квартирам. Чтобы элиты могли без помех попить национальные бюджеты. Хвастаться пока нечем. США почувствовали себя единственной империей и всем диктуют, как жить. Россия взяла на себя обязательства Советского Союза. Потеряла основную часть своей военной мощи. Мы теперь страна с так называемой рыночной экономикой. При этом — полное крушение идеалов, плюс — нищета и пустые магазины. Это было в совсем недавнем прошлом. Сейчас поднимаемся понемногу. Но все равно мы превратились в огромную третьесортную страну, по привычке бряцающую оружием, но с отсталой экономикой и разрушенной инфраструктурой.

Феликс заметил, что «другой» оцепенел, впал в ступор. «Бедный парень. Встретить самого себя в будущем... Мало этого — узнать, что стало с его страной, которая казалась незыблемой... Нерушимой и вечной, как мир. Столько всего сразу...»

Такое впечатление, что «другого» парализовал страх... Страх перед невозможным, непривычным, невероятным... Когда наяву сталкиваешься с тем, чего в принципе не может быть... Конечно, страшно. Потому что этого не может быть никогда. Сталкиваешься наяву... Наяву или во сне?

Попытался отвлечь своего собеседника. Молодой человек сжимал в руках какую-то книгу.

— «Как человек плыл с Одиссеем», — безучастно ответил он на вопрос Феликса.

— Припоминаю. И как тебе поэма?

«Другой» долго молчал, потом задумчиво переспросил: «Простите, что вы сказали?»

— А, поэма... Впечатляющие стихи.

Внезапно он оживился.

— Тема странствий бесконечна, Улисс появляется вновь и вновь, он плывет на своей галерее через века: Гомер, Данте, Джеймс Джойс, Луговской, — произнес юноша чеканным голосом. — Жюль Верн — тоже певец Одиссеи; Александр Грин, Мелвилл... «О, сколько лет мы рвемся по неверным пустым зыбям среди чудес попутных, средь островов, встающих из пучины, среди проливов гибельных и смрадных, что пахнут скалами и дохлой рыбой, меж тучами и сине-цветной влагой на родину, на родину, в Итаку, чтоб никогда ее не увидеть».

Пафосный тон — «другой», видимо, сумел взять себя в руки. Феликс с удовольствием вспоминал забытые стихи; ему захотелось узнать, что еще этот «другой» читал в последнее время. Тот назвал несколько поэтических вещей, среди них — «Баллада о тигре». «Какая мощь в твоей руке, какое волшебство! В руках твоих и кулачке и теплоте его», — с жаром произнес он.

— Стихи трогают нас, если мы чувствуем в них томление и порыв, а не воспринимаем их как отчет о случившемся. Если Сельвинский так пишет о женщине, с таким неестественным восторгом, значит, он так и не узнал ее наяву, она осталась для него только недостижимой мечтой, кем-то типа Дульсинеи Тобосской, — почему-то раздраженно ответил Феликс.

Молодой человек обескураженно посмотрел на Феликса, казалось, он потерял дар речи. После некоторой паузы все-таки возразил:

— Не могу согласиться с вами. Как вы можете так говорить? Вы совсем его не знаете. Он работал грузчиком, натурщиком, репортером, цирковым борцом. Воевал от звонка до звонка — с сорок первого по сорок пятый. Это настоящий человек, он не стал бы кривить душой, он пишет о том, что с ним действительно было.

— Было — не было, какая разница? Томление есть, порыв есть — превосходные стихи! Собираешься прочитать все его сочинения целиком?

— Не думал об этом; честно говоря, нет, — ответил «другой», сам удивляясь своему ответу.

Феликс поинтересовался, чем он сейчас занимается.

— Увлекаюсь разными теориями, много чем занимаюсь... Дневник веду. Это самый верный друг. С ним можно делиться всем, что беспокоит.

— И что же тебя беспокоит?

— Разное. Непонимание друзей, например. А главное — то, что работаю на оборонку.

— Интересно, что плохого в оборонке?

— Плохого? Мы создаем технику для разрушения — вот что... Она несет в мир ненужное напряжение, даже если не используется, а людям приносит одни страдания. Мне не хотелось бы впредь иметь отношение к орудиям разрушения.

— Чего тебе бояться, друг мой? Электроника, которой ты занимаешься, быстро устареет, через десять-пятнадцать лет ее заменят более современной — на основе западных разработок. А боевые системы, для которых она предназначена, будут

списаны лет через тридцать. Войны не будет, говорю тебе достоверно, потому что знаю; системы эти так и не найдут себе применения, никогда не будут использованы. Зато твоя страна встроена в планетарную эволюцию высоких технологий. И инженеры ваши, и ты в их числе. Оборонный заказ всегда был локомотивом нашей экономики. Так что пусть тебя совесть не мучает. Занимайся своим делом, раз тебе нравится, тем более что у тебя неплохо это получается.

«Другой» набылся.

— Напрасно вы все это мне говорите. Все равно уйду из оборонки, как только представится возможность, — буркнул он.

— Ну и чем ты хотел бы заниматься?

— Не знаю пока. Тем, что приносит кому-то пользу. Что укрепляет братство людей. Современный человек не может отворачиваться от своей эпохи.

Феликс подумал и поинтересовался:

— Послушай, неужели ты на самом деле чувствуешь себя братом всех людей на земле? К примеру, всех сантехников всех домохозяйств, всех запойных алкоголиков, всех бомжей и эзков, всех страдающих несмыканием связок и недержанием мочи, всех девушек, обслуживающих дальнбойщиков на перекрестках дорог, всех вечерних бабочек с Московского вокзала?

— Я хотел бы, чтобы моя работа помогала массам слабых и униженных, оскорбленных и обиженных судьбой, — бубнил «другой».

— Массы униженных — как же в тебя въелась суконная терминология центральных газет! Нет на свете никаких масс. Существуют только лишь отдельные люди. Да и те постоянно меняются. Сегодня я уже не тот, что вчера. Мы с тобой — вот показательный пример — два разных человека, сидим на этой скамье — то ли в Хургаде, то ли в Ленинграде... То ли в двухтысячные годы, то ли в шестидесятые прошлого столетия...

Феликс подумал, что их действительно разделяют более тридцати лет. Они похожи, но имеют разный опыт за плечами... и совсем разные вкусы. Каждый из них напоминает карикатуру другого. Им трудно друг друга понять. Разговор не клеится. Советы и объяснения ничего не дадут. Да и не нужно пытаться что-то доказывать. Результат все равно будет один — тот, «другой», обречен в конце концов стать мною. Но Феликс не мог остановиться.

— Вокруг все так изменчиво и непостоянно. Ты весь в порыве, в желании опередить этот меняющийся мир, поймать ускользающую жар-птицу. Я же, наоборот, свое призвание вижу в поисках спокойствия и гармонии. Только спокойный человек готов к любому изменению ситуации, если он сумеет остановить бесконечную и бессмысленную трескотню собственного сознания. Это и есть свобода. Свободный человек готов ко всему. Наше сознание должно стать гладким, как поверхность пруда. Тогда оно сможет адекватно отображать любые явления.

«Другой», видимо, слушал в пол-уха, он думал о своем. И неожиданно спросил:

— Если вы действительно когда-то были мной, почему тогда вы не запомнили давнишнюю встречу с довольно образованным пожилым мужчиной, который в 1967 году уверял, что он тоже Феликс Эйлер?

«Это действительно так, почему я об этом не подумал?». Феликс ответил, но в его словах не было большой уверенности:

— Не все сны вспоминаются. Мы, как правило, стараемся забыть о неприятном. А наша встреча настолько невероятна... Легче забыть ее, чем искать объяснения. Обычно мысль непроизвольно отгораживается от того, что не может объяснить, и эта скамья длиной в тридцать пять лет, на которой мы сейчас сидим, попала в своеобразную ловушку сознания и была забыта.

«Другой» поднял глаза на собеседника и нерешительно спросил:

— А у вас, извините, все в порядке с памятью?

Феликс подумал, что для молодого мужчины двадцати пяти лет человек за шестьдесят выглядит, наверное, безнадежным стариком.

— Голова уже не та, я могу оставить дома ключи от машины или забыть заплатить за квартиру. Но пока еще помню английский и немецкий, помимо родного русского. И неплохо говорю на этих языках.

Для сновидения их беседа длилась слишком долго. Феликса осенило.

— Попробую доказать, что я — не твой сон. То есть ты видишь меня во сне. Но я — сам по себе, я — не часть спящего тебя. Прочту тебе стихи, которые ты еще не читал. Хотя написаны эти строки в шестидесятые, проснешься и можешь проверить... Но тогда ты их еще не знал. Не читал и не слышал, а я помню.

*Плывет в тоске необъяснимой пчелиный хор сомнамбул, пьяниц. В ночной столице фотоснимок печально сделал иностранец, и выезжает на Ордынку такси с большими седоками, и мертвецы стоят в обнимку с особняками*¹.

— «Плывет в тоске необъяснимой пчелиный хор сомнамбул, пьяниц», — задумчиво повторил «другой», бережно ощупывая губами каждый звук. — Необыкновенные слова, столько тревоги... и никакого страха. «Мертвецы стоят в обнимку с особняками» — сколько же ему пришлось испытать, этому человеку, чтобы написать такое!

Стихи свидетеля далекой советской эпохи на мгновение сблизили их. Феликсу пришла в голову неожиданная мысль: «Я оставляю ему вещественное доказательство того, что он побывал в две тысячи втором; когда проснется, в его руке будет предмет из будущего, вот это класс!»

— У тебя есть какие-нибудь деньги?

— Есть, рубля три. Сегодня вечером я позвал Левку в грузинское кафе на Толмачева.

— Хорошо знаю улицу Толмачева, теперь она называется Караванной. Передай Левке, что скоро он станет большим боссом в театральном мире. А теперь дай мне одну монетку.

Тот, не понимая зачем, протянул Феликсу двадцатикопеечную монету.

— Вы, наверное, не помните... На это можно купить батон, еще сдача будет. Есть батоны за одиннадцать, тринадцать и пятнадцать копеек. Мы берем обычно за тринадцать. Он внешне посимпатичней будет — более поджаристый, что ли, да и на вкус лучше других.

Феликс дал ему пятидесятирублевую купюру.

— На эти деньги тоже можно купить батон, и тоже сдача останется.

Младший Феликс так и впился в нее глазами.

— Не может быть, здесь стоит дата — 2002 год. Это чудо какое-то! Говорят, что чудеса внушают страх. Я, например, не верю в чудеса — ни в купюру из будущего, ни в семь хлебов, которыми можно накормить четыре тысячи человек.

Неожиданно он разорвал купюру, а монету оставил Феликсу.

— Зачем ты сделал это?

— Вы сами сказали, что наша встреча настолько невероятна, что легче забыть о ней, чем искать объяснения. Лучше забыть, чем иметь подтверждение сверхъестественного...

Феликс проявил солидарность и выбросил монету в реку. Купюру развеяло по ветру, монета — на дне, никаких улик о необыкновенной и необъяснимой встрече.

— Сверхъестественное пугает. Но если оно будет повторяться? Можно ли к этому привыкнуть? Давай попробуем: предлагаю завтра встретиться на этой скамье, находящейся одновременно в России и Египте и в двух разных эпохах.

¹ И. А. Бродский. «Рождественский романс».

«Другой» для виду согласился и сказал, что ему пора. «Ну, пора так пора, мне тоже, наверное, пора», — вздохнул Феликс. Неожиданно «младший» выпалил то, о чем, видимо, думал на протяжении всей встречи.

— А скажите, получится ли у меня что-нибудь с той девушкой? Ну, с которой я пью кофе...

— Не следовало бы рассказывать об этом, но ты все равно забудешь... Это ведь твой сон... В какой-то момент тебе покажется, что у вас с ней может получиться. Но в конце концов вы расстанетесь... По обоюдному согласию, так сказать. Не расстраивайся, все, что ни делается, к лучшему.

«Другой» заметно погрузтел, опустил голову. Потом они простились. Два Феликса. Подать друг другу руку не решились.

Феликс остался на скамье. Спешить было некуда. «Вот я здесь, — он ощупал, пощипал себя. — Не сплю. Была встреча. Я говорил с тем, „другим“, наяву и поэтому могу вспоминать сейчас о нашем разговоре. Тот говорил со мной во сне, вот и забыл о встрече. С самого начала хотел забыть о ней. Тем более что многое из нашей беседы ему не понравилось. Возможно, даже немного напугало. Еще во сне он постарался выбросить неприятное из головы. Но это неприятное, оно ведь осталось в нем и произвольно подтолкнуло на неожиданные решения. Получается, что я все-таки повлиял на него, что мой «совет» дошел до адресата. Интересно, что сохранилось у «другого» в памяти, когда он проснулся? Кстати, он очень удивился, когда увидел дату — 2002 год. А ведь на купюре нет даты выпуска. Значит, ему снилась купюра из будущего с несуществующей датой. А я, может быть, ему вовсе и не снился».

Весь день Феликс чувствовал подъем настроения и прилив сил. Новое чувство, которое он испытал впервые на самом дне, накануне, на двадцатиметровой глубине. Ощущение полной свободы. Такое ли уж новое? Может быть, он раньше уже испытывал нечто подобное? Ему казалось, это как-то связано — чувство свободы и то, что теперь он может легко путешествовать во времени. У свободного человека, наверное, снимаются какие-то ограничения. Небольшое путешествие во времени только добавило ему спокойствия и уверенности. Поверхность моего сознания, подумал он с удовлетворением, видимо, становится все более гладкой, все больше напоминает зеркало тихой воды.

Вспомнилась маленькая, прелестная девушка, в которую он был так безнадежно влюблен тридцать пять лет назад и которая теперь почему-то напомнила ему Жанну д'Арк с афиши фильма «Начало». Для него она всегда была в глухих, непробиваемых доспехах. Ангел в доспехах. Но без меча.

Феликс мысленно перенесся в то раннее утро, когда он добрался до Пицунды. Накануне все решилось. Еще один разговор с девушкой в доспехах. Последний. Конечно, последний — так больше продолжаться не могло.

Надо бы перекусить с дороги. Феликс зашел в разбитое, затертое стеклянное кафе. Какое кафе? Заштатная совковая, дешевая столовка самообслуживания. Ищарапаннные, изломанные пластиковые подносы с бахромой стекловолокна по краям, старые тарелки и алюминиевые вилки и ложки. Ножей там не было, салфеток не было, солонки тоже не было. Но что это была за еда! Салат из южных помидоров с огурцами и капелка растительного масла непонятного происхождения. Тарелка с пучком ароматных кавказских трав: мята, петрушка, кинза, базилик. И тарелка лобио. Стоило это копейки. Плюс стакан пива местного разлива.

Уставшая (с утра — и уже уставшая!) немолодая бледная тетка за стойкой насыпала ему на край тарелки сероватой соли крупного помола. Феликс посмотрел брезгливо на дистрофический гуляш, бледно-желтую котлету, на липкую, бесформенную лапшу и отказался от мяса и гарнира. Все остальное его вполне устраивало.

На Феликсе — полосатая матерчатая кепка, простые холщовые штаны, завернутые по колено длинных худощавых ног, расстегнутая рубашка, завязанная узлом на голом мускулистом животе, легкие сандалии на босу ногу. Он стилистически вписался — и в теплую атмосферу маленького южного городка, и в эту замызганную столовую с вкусной натуральной закуской — травой, лоблио, — от запаха которой кружилась голова. Нет, голова кружилась не от запаха травы и лоблио. И не от пряного, душистого воздуха. Голова кружилась от неожиданно охватившего его ощущения свободы. Он свободен! Молодой, сильный, ничего не боится. Ни с чем и ни с кем не связан. Свободен!

В столовой было мало народу в это раннее утро. К стойке раздачи подошла молодая пара — парень и девушка, оба в шортах, — видимо, из отдыхающих, возможно, молодожены. Они робко озирались по сторонам. За ними увязался молодой развязный кавказец, рыжий, в веснушках, — наверное, абхазец из местных. Он требовал, чтобы девушка пошла с ним. «А ты не лезь, — говорил он парню, — хочешь, чтобы я тыбэ лицо ножычком почикал?» На ребят было жалко смотреть. Никто и не думал вмешиваться, чтобы попытаться помочь им.

Неизвестно откуда пришедшее ощущение подъема и свободы толкнуло Феликса вперед, он подошел к абхазцу. «Послушай, генацвале. Ты такой парень — орел, настоящий джигит! Зачем тебе эта девушка? Она что, оценит тебя, разве такая девушка тебе нужна? А ее парня ты и так до смерти напугал уже. Сегодня-завтра приедут из России или с Украины стоящие девчонки, будут счастливы провести время с таким, как ты. А эта — зачем она тебе?» Это что еще за новости? «Я тэбе нэ гэнацвалэ! Ты кьто такой?»

Джигит осмотрел высокого, плечистого Феликса, хотел продолжить в том же духе. Но что-то его остановило. Веселая, добродушная улыбка Феликса окончательно обезоружила рыжего. «Да я нычего, я так. А то эти приезжие вабражают о себе больно... Ты откуда, из Лэнынгграда? Это хорошо! Гьдэ остановылся, на рыбьзаводэ? Харошеэ мэсто». Инцидент был исчерпан.

Феликс вспоминал это происшествие, смаковал ощущение пьянящей свободы, пил его маленькими глотками, словно терпкое молодое вино. Откуда оно тогда взялось? Не из-за этого же провинциального абхазского парня... Конечно, нет! Его больше не мучили сомнения и переживания. Как-то все само собой получилось — он принял важное решение, отказался... Отказался от своего прошлого, которое совсем недавно представлялось ему таким важным... Недавнее прошлое... Оно словно стерлось из памяти... И он получил свободу. Прошлое тянет назад. Связи, обязательства, чувства, привязанности, они тянут назад и вниз, не дают взлететь. Так думал теперешний Феликс. А тот, молодой Феликс, ни о чем не думал. Ему просто было хорошо.

На этой стороне сновидения

Над волной ручья ловит,
ловит стрекоза собственную тень.
Тиё-ни

Вечером того же дня, когда спала жара, Феликс появился у бассейна. Плавал, нырял, кувыркался в прозрачной голубой прохладе, чувствовал себя совсем молодым. Можно все скинуть — очки, ласты; свобода — только ты и вода! Сидел на краю

бассейна — его тело было украшено легкой кольчужкой из радужных капель воды — и смотрел, как солнце, уже не палящее, как прежде, медленно приближалось к горе на западе. Солнце зайдет, и сразу станет холодно.

Подошла его знакомая — Дина, женщина лет сорока с небольшим, — устроилась рядом на краю бассейна, обхватила колени руками.

— Как дела, Фил? Что-то вас не видно было сегодня на пляже.

— Все хорошо, море волшебное. С утра заметил недалеко от берега большого наполеона² и увязался сопровождать толстяка. Плыл над ним, представляешь — а он повернулся на бок и смотрел снизу. Вот так, смотрим друг на друга и плывем... И добрались аж до тех дальних скал.

— Ух ты! А что потом?

— Кто-то сказал, что мальчишки нашли мурену... В пещере, на трехметровой глубине. Что дразнят ее палками, хотят выманить из логова. Этого никак нельзя делать. Разыскал ребят — оказались наши, из России, — объяснил им... Не дразните мурену, у нее ядовитые зубы, может испугаться, покусать. Нырнул посмотреть, батюшки-светы! — огромная уродливая голова... Закрывает вход в расщелину, где рыбина сама и прячется. Пока наблюдал, она выбиралась из укрытия. Под водой мне показалось... Длина — никак не меньше двух с половиной-трех метров! Извивалась, словно угорь... И неторопливо удалилась по своим делам. Считается, что мурена — опасная рыба. На самом деле — совсем безобидная и, кстати, почти слепая. Если ее не беспокоить — никого не тронет. Вот так, Диночка, я и провел сегодняшний день. Доклад окончен. А где ваш муж и подружка?

— Вон там, на тех лежаках — Денис, а чуть дальше Риточка, она, кстати, как и вы, из Петербурга. Нет, я смотрю, Рита уже ушла. Ну, вы нас всех вчера удивили, Феликс. Каждому рассказали, что его ждет и как долго он проживет.

Феликс взглянул на Дину — милое, скуластое, немного неправильное лицо, светлые волосы, затянутые в кичку, открытые доверчивые глаза. Ровный золотистый загар. «В возрасте, немного полновата, пожалуй, а как хороша! — подумал Феликс. — Да, во времена Рубенса люди понимали толк в женской красоте. Не то что эти современные худосочные модели, тоже мне примеры для подражания».

— Скажите, Дина, а почему вы все вдруг так сразу мне поверили? Этого ведь не поминает... ворожбу, что ли. Может, я шутил? Такой розыгрыш, вроде прикола.

— Знаете, Феликс... невозможно вам не поверить. Мне кажется, вы не умеете лгать. Но как это у вас получается? Как вы обо всем этом узнаете?

— Честно говоря, никак. Не обдумываю, не вычисляю и не анализирую. В общем, я не Шерлок Холмс. Просто смотрю на человека и вижу, что будет. Не знаю, как это получается, сам удивляюсь... Видимо, помогают «высшие силы». А если серьезно... Мне кажется, я что-то вижу... Точно ведь не знаю — как это можно проверить?

— Но вы о некоторых из нас почему-то не захотели говорить.

— О ком я просто ничего не могу сказать. Кого-то вижу, кто-то открывается. Ну, мне так кажется... А о ком-то ничего не могу сказать. Иногда специально ничего не говорю: если человека ждет плохой конец, зачем его зря тревожить? Тем более... а вдруг я ошибаюсь?

— Вы сами себе не доверяете, а я, например, верю вам. Это про кого вы только что говорили? В смысле плохого конца... Есть такие?

— В вашей компании и среди соседей по пляжу никого такого не заметил. А вообще-то встречал здесь. Вот посмотрите — эти двое вам знакомы?

² Рыба-наполеон — одна из самых крупных коралловых рыб в мире и самый большой представитель семейства губанов.

Феликс показал на пару, отдыхающую на противоположной стороне бассейна, изогнутого наподобие большого бирюзового полумесяца. Она — крупная наглаватая блондинка не первой свежести со стрижкой под мальчика. Ее спутник — видимо, немного старше — породистый, сухопарый, сильный еще мужчина, с коротким ежиком седеющих волос и решительным лицом. Дина ответила, что не знакома с ними.

— Она — чужая жена, он — чужой муж. Любовники по зову плоти, так сказать, никак не сердца. Потому что так принято, потому что для здоровья полезно. Потому что, по их мнению, «хороший левак укрепляет брак». А я вижу другое... что он уже давно болен, болен неизлечимо. Через полгода узнает об этом, еще год продержится на химии. Как говорится: «Не возжелай жены ближнего своего». Хотя человека все равно жаль, он уже на той стороне...

— Не поняла, на той стороне бассейна? Что вы имеете в виду?

— На той стороне сновидения. Послушайте, Дина... Я много думал об этом... Это, конечно, только мое мнение... Нашу жизнь можно сравнить со сновидением: жизнь заканчивается, и человек просыпается. Тот человек уже почти весь на другой стороне сновидения. Здесь осталась лишь малая часть его — лишь то, что мы видим. Он говорит, двигается, чего-то хочет, а его уже нет с нами, он — там, хотя и не осознает еще этого.

Дина ошеломленно посмотрела на Феликса, на мужчину, отделенного от них голубой дугой поверхности воды.

— И ничего нельзя сделать?

— Диночка, я же не пророк и не Иисус, не могу подойти, тронуть рукой и сказать: «Излечись!» А просто сообщить... — зачем? Посмотрит на меня, как на идиота, все равно ведь не поверит. И неприятный осадок останется. Тем более что я не уверен... Может, это все мои больные фантазии. Пусть живет в свое удовольствие. Хотя бы полгода. Но даже если я не ошибся... Посмотрите на это с другой стороны: если бы я не показал вам этого человека, не объяснил его проблем, он бы для вас и не существовал. А так у вас осталось воспоминание о нем. Но это ведь только воспоминание, которого могло бы и не быть, а его самого, этого человека, и так уже почти не существует. Всех нас ждет неизбежное... Все мы когда-то превратимся в чье-то воспоминание. Мы, люди, — веселое племя. Знаем, что путь каждого отмерен... Но не унываем и живем на полную катушку.

— Феликс, я вижу: у вас на шее крестик, вы верующий?

Феликс кивнул.

— Неудобно спрашивать... Почему вы верите? В том смысле — почему вы верите, что Бог есть? Можете это как-то объяснить мне? Когда вы в церкви, это помогает вам встретиться с Богом? Не отвечайте, если... Наверное, я нетактичная...

— Ничего страшного, вопрос как вопрос. Другое дело — смогу ли я ответить. Не люблю об этом говорить... Это ведь очень личное. Но раз вы просите... только я не поучаю и ничего вам не советую.

Вначале о церкви... Молиться можно не только в церкви, мне так кажется. Конечно, есть таинства причастия, крещения... Это намоленная за две тысячи лет дорожка. Но верующий всегда найдет Господа в своем сердце — это может случиться под каждым кустом. Помолиться, попросить о помощи можно везде, в любом месте и в любое время. Если веришь. А сама по себе вера — вопрос приватный. Можно сколько угодно читать Библию, Новый Завет, изучать трактаты и ничего не знать о Господе — есть он или нет, каков он, как относится к людям...

Верит человек или не верит... Это зависит только от одного — был у него собственный мистический опыт, или его не было. Если такой опыт был... Если хоть раз человек почувствовал, что святой дух спустился к нему, сомнений больше не возникает.

Наверное, святой дух посещает каждого, к каждому приходит. Отцы церкви учат, что ангелы небесные расставляют на нашем пути знаки и предупреждения. Надо быть очень внимательным, чтобы не пропустить знаки, не пройти мимо. А мы... В суете жизни, в шуме пустых устремлений и ненужных хлопот ничего этого подчас не замечаем. Если хотите знать мое мнение... Вера не терпит суеты, она может жить только в тишине сердца.

— Как же добиться этой тишины?

— Тишина приходит, когда человек становится свободным... если он перестает быть рабом. «По капле выдавливать из себя раба»... Вначале научитесь... Одним словом, избавьтесь от страха.

— Избавиться от страха... — Дина задумалась. — Скажите, Феликс, Бог — это любовь, так ведь? Ну, вы все так говорите. Почему Господь жесток и несправедлив к людям? Почему допускает, чтобы в мире оставалось столько горя и несчастья?

— Вечные вопросы. Кто я такой, чтобы отвечать на них, тем более — давать рецепты?

— Но вы-то сами что об этом думаете?

— Что думаю? У каждого человека и у каждого народа свой путь. Каждому даются испытания по делам его. Люди, народы, культуры, они появляются и выковываются... в тяжелых испытаниях. Или исчезают.

— Я понимаю, когда жизнь и судьба наказывают грешника, разбойника, развратника, прелюбодея. Почему горе и наказания обрушиваются на головы ни в чем не повинных людей?

— Эх, Дина, Дина, заставляете меня заниматься не своим делом. Я ведь не поповедник. Ну ладно, давайте, попробую. Господь не вмешивается в мирские дела, так? Мне так кажется... Чтобы изменить мысли и поступки людей, ему пришлось бы отнять у нас свободу выбора. В этом случае мы перестаем быть существами, созданными по образу и подобию... становимся просто куклами в руках обитателей небес. Ты свободен, человек, но будь добр — отвечай за свои поступки. Господь учит, подсказывает, но не вмешивается. Он любого человека любит. И больше всего радуется, если закоренелый преступник становится праведником и возвращается в Христову церковь, — это не мои слова, я повторяю толкователей знаменитой притчи о блудном сыне.

— Нет, он жесток. Почему самые тяжелые испытания обрушиваются на головы лучших людей?

— «Каждому свое». Мудрецы и праведники считают, что человеку даются испытания по его силам. Так ли это? Нам не дано узнать, в чем состоит промысел божий. Мы можем только одно: учиться жить по заповедям Иисуса и терпеливо нести свой крест.

— Не могу согласиться с вами. Моя подруга Риточка — ангел, а не человек. Растила сына без мужа. Растила, растила, а теперь тот пропал, полгода — никаких известий. За что ей, ее сыну — за что?

— Вы говорили, ее сын в армии? Пусть Рита не беспокоится. Я думаю, ее сын жив. В плену у чеченцев. Сидит в земляной яме. Цел он, пока ничего с ним особенно плохого не случилось, не били, не калечили, исхудал только очень. Спецслужбы уже ищут его. Скоро вырвут. Передайте Рите: пусть ждет сына.

— Вы не ошибаетесь, вы уверены? В любом случае спасибо вам, Феликс, за добрые слова. И за надежду... А вдруг вы действительно правы? Вы ведь еще ни разу не ошиблись. Как же вы меня обрадовали! Пойду искать Риточку. Не знаю, говорить — не говорить? — а вдруг ошибка?

— Мне кажется, все у нее будет в порядке... Просто постарайтесь успокоить ее... Всегда надо верить в лучшее и ничего не бояться.

— Значит, вы считаете... Верить в будущее и жить без страха?

— Жить без страха — только первый шаг. Верить надо... Я много лет шел к этому. Верующий ничего не боится. Что бы с ним ни случилось, он не одинок — Бог всегда рядом, Бог никогда не оставит и не предаст.

— Только первый шаг... Эх, Феликс, рассуждать легко. А как не беспокоиться, как не бояться за родных, за близких? Ну, скажите, вы боитесь за своих?

— Конечно, Диночка, вы правы, я всегда за них переживаю.

«Как не бояться за родных? — подумал Феликс. — Если бы я сам мог ответить на этот вопрос!»

Сотри личную историю

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою;
ночной пирог несет сочельник
над головою.

И. Бродский

На следующий день Феликс опять встал рано и двинулся к заветной скамье. На душе было спокойно. Вряд ли «другой» придет сегодня, но почему не попробовать? Что-то подсказывало ему: сегодня опять может случиться нечто неожиданное. Густой туман окутывал скамейку и весь окружающий пейзаж. Туман был еще гуще, чем накануне. Встречи и разговоры вчерашнего дня пробежали перед его глазами, будто кто-то перелистывал страницы книги. Он вспоминал, видел все, что случилось, очень четко, но будто бы это произошло не с ним, а с кем-то другим, будто это его не касалось и совсем не трогало. Прошло полчаса, и Феликс собирался было уже уходить, когда из молочной пелены вынырнула фигура высокого мужчины, одетого почти по-зимнему: пухлая теплая куртка с поднятым воротником, темные брюки, огромные зимние ботинки на высокой рифленой подошве, напоминающие туристские «вибрамы», на голове — мягкая кепка, сшитая из толстого драпа. Почти по-зимнему... При этом — ни шерстяных варежек, ни кожаных перчаток, руки его были голыми и почему-то покрасневшими, будто от мороза. Легким шагом мужчина подошел к скамейке, внимательно посмотрел на Феликса.

— Разрешите присесть? Единственная скамейка, не занесенная снегом.

Голос незнакомца чуть вибрировал и, казалось, приходил издалека. Феликс воспринял его замечание как шутку.

— Откуда здесь может быть снег? Садитесь, не возражаю.

Незнакомец сел, откинулся на спинку скамьи, спросил, не глядя на Феликса:

— А вы, уважаемый, по какой причине голышом в такой холод?

— Разве холодно? Что-то я не заметил.

— Пожалуй, вы правы. Здесь, на «вашей» скамейке, вроде совсем и не холодно. Просто вы — горячий человек, растопили зиму своим жарким дыханием. Наверное,

последователь Юры Зубкова? Мой приятель, отставной военный. Большой оригинал. Причем, что интересно, эта его «оригинальность» проявляется практически во всем. Занимается единоборствами. Ходит на какие-то «любки», такая борьба в парах — не на победителя, а на гармонию. Говорят, что занимался когда-то раскопками НЛО. В общем, чем только он ни занимается. Изменяет жене, а называет это «тантризмом». Как говорится — ни слова в простоте. Ну и круглый год ходит в одной футболке с короткими рукавами, шортах и сандалиях на босу ногу. Это в нашем-то северном петербургском климате.

Феликс не стал расспрашивать незнакомца, ничего не стал объяснять.

— Вы удивитесь, но я действительно был когда-то знаком с Юрой Зубковым. Наверное, лет десять тому назад. Это правда — он большой оригинал. Но я никак не его последователь.

— Судя по всему, вы держите себя в тонусе. Наверное, закалялись с детства. Молодец. А Юру я совсем не осуждаю. Пусть ищет свой путь. Каждому свое. Знаете, ваше лицо кажется мне знакомым. Нет, не встречались? А, я понял: мы очень похожи. Только вы, пожалуй, старше. Слушайте, мы ведь на одно лицо. Только волос на голове у вас поменьше. И загорелый вы очень, я вначале за араба принял. Может, мы и родственники, чем черт не шутит. Ну, точно — мы на одно лицо: губы, глаза, покатый лоб. И фигуры похожи. Вы мою не видите, а я вашу вижу — точно говорю: мы очень похожи. Вот она игра генов. Вам ничего не говорит фамилия Эйлер?

— Как не говорит — знаменитый математик восемнадцатого века. Работал в петербургском университете. А вообще-то вы в точку попали. Наверное, я вас удивлю, но мы оба Эйлеры. И оба когда-то занимались математикой.

— Здорово, но как вы определили, что я занимался математикой?

— Не знаю, просто так подумал. Потому что вы — потомок Эйлера. Потому что похожи на меня, потому что в моей жизни тоже была математика... Чем вы вообще занимаетесь? Что делаете?

— Даже не могу вам толком ничего ответить. Пятнадцать лет пахал в оборонке. Мечтал перебраться куда-нибудь в открытую шарашку, на другую тематику, чтобы никакой секретности не было. Перешел в Академию наук. Отработал там десять лет, только встал на ноги, и вот началась перестройка. Теперь мы все строим капитализм. Мое научное направление закрыли, науку не финансируют, наука никому теперь не нужна. Я в свои пятьдесят оказался на улице.

— И что вы решили?

— Что можно решить? У меня молодая жена, ребенку восемь лет. Семью кормить надо. Конечно, остались связи, контакты... Пробовать идти по проторенному пути, жить, как раньше, пытаться найти скромную работу в каком-нибудь заштатном НИИ? Тянуть лямку, с трудом сводить концы с концами, гадать: выплатят зарплату или не выплатят? Утешаться тем, что государство тебе должно, может быть, когда-нибудь и погасит. Но я принял вызов. Раз того требуют обстоятельства... Решился на то, чтобы круто изменить свою жизнь. Мы с друзьями сняли подвальчик и теперь пытаемся «предпринимательствовать».

— Получается?

— Как сказать? Опыт у меня есть, создавал уже раньше кое-что... Что там было? Кооператив, малое предприятие... Не отходя, так сказать, от «научного станка». Но сейчас дела, честно говоря, не очень. В общем, друг мой, начинаю с Нового года новую жизнь. Послезавтра куранты возвестят о том, что наступил 1992-й. Готовлюсь. Вот выскочил елку купить. Мы каждый год елку ставим на новогодние праздники, чтобы дома хвоей пахло, для настроения. А на базаре чечмек, который елками торгует, написал: «Ушел на полчаса перекусить», так что я болтаюсь пока, к вам прибил.

Фу, как жарко, оттепель ударила, потому и туман, а я совсем по-зимнему оделся. В общем, вынес на помойку научную библиотеку, оставил только самые любимые книги по математике. Думаю, никогда я уже к науке не вернусь. А что выжить — выживем, я в свою звезду верю. Сколько раз начинал с нуля. Когда в академию переходил, тоже тяжело было все бросать: и интересную работу, и друзей, и тематику, в которой я как рыба в воде. Уважаемым человеком был. Но решил и отсек. И главное — ни о чем потом не пожалел. Будто кран чистой воды открылся — и пошел поток новой, свежей, незнакомой жизни, а старое смылось. На свалку, так сказать, личной истории. Не боюсь начинать с нуля, стереть и забыть свое прошлое. Это дает какое-то необыкновенное ощущение свободы. Вот кто я теперь такой? Начинаю с чистого листа, а страха нет. Жизнь должна меняться, и надо всегда быть готовым к этому. А что у вас?

— У меня все очень похоже. И связей с прошлым у меня уже почти нет. Только самые близкие остались — жена и ребенок, все как у вас. Ребенок на десять лет старше вашего. Уже почти взрослый. И ни за что я не цепляюсь, кроме как за них. Поэтому у меня всегда мир в душе. В общем, мы очень похожи. Я чувствую себя совершенно свободным и абсолютно спокойным. И кажется, что мне теперь на многое глаза открылись.

— Ну, вот и скажите, уважаемый, как у меня — получится продержаться на плаву, ваше мнение? Или вернуться назад, на поклон к обнищавшему государству, которому такие, как я, яйцеголовые, теперь совсем уже не нужны? Не потяну ли я своих любимых вслед за собой в пропасть? Работы нет, кругом бандиты, что настоящие бандиты, что менты, что госчиновники — тоже бандиты, облеченные правами. Только похуже братков будут. С братками хоть о чем-то договориться можно. По понятиям. А эти... Сами живут по понятиям, а с нами, лохами обыкновенными — именно такими они нас всех и считают, — ни о чем договариваться не станут. Действуют во имя «высшей государственной целесообразности». Для них «целесообразно» только одно — набить свой карман.

— Получится, дружище, не сомневайтесь, все у вас получится. Идите вперед и не оглядывайтесь.

— Как говорится, «доброе слово и кошке приятно». Затаскано, конечно, но абсолютно верное высказывание. Что вы обо мне знаете? Ровным счетом ничего. Только то, что веселый с виду дядька. Вот то-то и оно — «с виду». А сказали «все у вас получится», и я почему-то сразу поверил вам. Мне тоже почему-то люди обычно верят. Наверное, потому что стараюсь не врать и всегда готов помочь любому, не из соображений «высшей целесообразности», а от души.

— Хотите, оставлю вам интересный сувенир?

Феликс протянул новому знакомому пятисотрублевую купюру. Тот взял купюру и с удивлением рассматривал ее.

— Ого, пятьсот рублей — будь здоров, почти мой месячный заработок. Но не сейчас, сейчас я ничего не зарабатываю. А месяца два назад... И написано: «2002 год». Суперская купюра. Вы, наверное, в Центробанке работаете, проект новых денег показываете. Которые еще будут через десять лет. Да нет, спасибо, не возьму. Это же макет. А если бы даже и деньги... Все равно бы не взял. Зачем мне деньги? Деньги приходят сами, когда в них есть потребность. Человек не для денег живет. Господь не оставит тварь земную, что птицу божью, что человека. Он даст нам и пищу, и кров над головой, и денег — ровно столько, сколько нам для жизни потребуется. Так что, извините, я ваш подарок не приму. Да мне уже и идти пора, а то все хорошие елки разберут. Приятно было поговорить с вами. Адъё! — сказал на прощание собеседник. — Может, еще увидимся, Питер — город маленький.

— Это вряд ли, — ответил Феликс, но объяснять ничего не стал.

— Ну ладно, продолжай закаляться, всего тебе, давай лапу, мужик.

Феликс заметил, что рука того, другого, казалась стеклянной и прозрачной, он побоялся пожать ее, подумал, что ненароком может каким-то образом нарушить очарование этой необыкновенной встречи. Сослался на то, что «у меня, знаете ли, рука побаливает — наверное, кисть повредил». Поздравил с наступающим Новым годом, пожелал успехов. «Он постарается», — ответил ему собеседник и исчез в молочном тумане.

Феликс задержался на лавке.

«Матерый, — подумал он о недавнем собеседнике. — С виду. А на деле — такой-же торопыга, каким был в свои двадцать пять, все спешит, спешит. Пожалуй, тот „другой“ оказался пронизательней „матерого“; во всяком случае — наблюдательней и критичней. А этот не понял даже, почему я не в зимнем, кто этот незнакомый человек, которому он, не задумываясь, выкладывает свои проблемы и самые сокровенные мысли. Да и я за прошедшие десять лет не очень-то, видно, изменился. Просто я сейчас в более выгодном положении — знаю, кто он такой, а он нет. Я говорил с ним наяву, поэтому сейчас вспоминаю нашу встречу, а он говорил со мной во сне и наверняка обо всем забудет. У того молодого, „другого“, есть желание разобраться, понять, а этому — „матерому“ — все ясно. Дата на купюре его совсем не удивила: будущая дата? — значит, я из Центробанка и дарю ему макет. Мы обсуждали поворотное решение в его жизни, и он получил от меня подтверждение верности своего решения. Как и вчера, я, видимо, незаметно повлиял на него, вернее, подтвердил правильность уже принятого решения. Вряд ли он вспомнит меня, проснувшись, купюру — точно нет. Скорее всего, он запомнит ту часть сна, где обсуждалось — „стереть личную историю“».

Феликса по-прежнему не покидало ощущение прилива сил, подъема настроения — это было на дне, это было вчера и позавчера — и какое-то новое чувство освобождения. Свобода и возможность путешествовать во времени... Еще одно путешествие во времени не только не обескуражило его, наоборот — добавило спокойствия и уверенности. Поверхность его сознания... Зеркальная гладь... Он еще раз вспомнил о принятом тогда, в те годы решении... О том, как отправился в самостоятельное плавание по бурному морю «бандитского капитализма», по «гуляй-полю» России начала девяностых. Прошел год, все его дела, затеи клеились, все получалось. Ему уже было чем управлять: реконструкция объектов недвижимости, капремонт жилого дома, склады автомобилей, торговые площади разного профиля... Вот он только что въехал в новый, отремонтированный офис на Рубинштейна... Зима девяносто третьего года. Облик Феликса существенно изменился. Работая в академии, он одевался в свободную одежду спортивного покроя: вельветовые брюки, свитера. Теперь на нем синий кашемировый клубный пиджак с металлическими пуговицами, рубашка с галстуком и брюки, все подобрано в тон и приобретено в комплекте с участием дизайнера в торговом центре в Гааге, модные очки со слабо тонированными стеклами, дорогие фирменные туфли. Положение обязывает. Феликс часто встречается со столпами крупного бизнеса, отцами города, с депутатами. Презентации, открытие новых объектов, поездки в Москву, к зарубежным партнерам: президенты, вице-президенты компаний, послы, консулы... У него по-прежнему легкая походка, выправка спортсмена и немного покатые плечи боксера. Все налажено: есть штат вышколенных сотрудников, знающих свою работу. В небольшой приемной — милиционер Юра на договоре, две расторопные секретарши, работающие поочередно день — через день, с девяти до девяти, в глубине офиса небольшая столовая для сотрудников.

В приемную вбежал заполошенный Влад Скуницын, партнер Феликса по некоторым проектам, очень высокий мужчина, худощавый, с большим орлиным

носом. Обычно прыткий, наглый и нахрапистый, он сейчас выглядел бледным и испуганным. На шум в приемной Феликс вышел из кабинета. Что случилось? Чем так напуган нахальный и бесцеремонный Скуницын? Рядом с Владом — приземистый, красноречивый, изрядно пьяный милицкий сержант в зимней одежде камуфляжной окраски, круглый, как колобок, к боку Скуницына приставлен пистолет. «Что вы здесь делаете, сержант? Как вы себя ведете? — уберите оружие! В каком вы состоянии?» «Этот ваш длинный на нас с Вованом сам набросился. Вован подтвердит. Щас грохну его прямо у вас в офисе». «Вы в своем уме, сержант, что вы несете? Из какого отряда? Кто ваш командир? Юра, вызывай группу захвата, скажи: вооруженное нападение, чего ты ждешь? У тебя же тревожная кнопка!» Сержант сконфуженно удалился, Скуницын одернул одежду, будто стращивая с себя постыдный страх, пытаясь снова выглядеть смелым и независимым.

Сколько было неприятных и опасных эпизодов — наезды некоего Фомича, радостно поменявшего работу помощника мэра на лавры лидера доморощенной ОПГ, наезды других авторитетов, в недавнем прошлом — почетных сидельцев, руководителей полукриминальных охранных структур, наскоки некоторых наглых «народных» артистов и режиссеров, искренне верующих, что им все чего-то должны...

Все это проходило как бы мимо его сознания. Будто кто-то без него решал возникавшие сиюминутные проблемы, разруливал, вел переговоры, ездил на стрелки. По большому счету все эти неприятные и опасные ситуации не могли вывести его из себя, Феликс оставался спокойным, и по гладкой поверхности его сознания лишь иногда пробегала мелкая рябь. Что помогало ему сохранить невозмутимость человека, освободившегося от многого ненужного, наносного? Главное, что ему ничего не нужно было ни от этих людей, ни от других, ни от жизни вообще.

Он работал, много работал — так, как это делал всю свою жизнь, двенадцать-пятнадцать часов в сутки, часто без выходных. Не боялся вызовов времени, не боялся браться за новое. Юридические вопросы? — будем изучать законы, экономические проблемы, банки, кредиты, лизинг; страхование? — будем изучать и это, а еще — маркетинг, сервис, техобслуживание, строительство... Феликс брался за все, он был готов к новым вызовам. Трудился много, работал легко, с подъемом. Свободный человек. Он занимался делом и, как всегда, старался делать его хорошо. А деньги? Как таковые деньги его не интересовали. Деньги — это лишь аппарат, средство приводить в движение различные механизмы бизнеса: партнеров, смежников, служащих, транспорт, проекты, недвижимость. Феликс слыл бескорыстным человеком. Часто помогал сотрудникам и друзьям. Бескорыстие... Обязательное качество по-настоящему свободного человека. А если говорить об опасных посетителях, об опасных ситуациях, которые постоянно сопровождали жизнь и работу деловых людей в девяностые годы, то Феликс, конечно, не думал о всяких высоких материях.

Во всех своих деловых контактах, в том числе — с криминалом, он придерживался двух простых правил. Первое: оставаться самим собой, ясно понимать свою позицию и неизменно ее выдерживать, ни под кого не прогибаться. А второе: быть со всеми неизменно уважительным, никого не обижать, не оскорблять — ни помыслом, ни словом, ни делом. Это, последнее, легко ему давалось. Никогда он не ощущал себя выше кого-то, уважал всех — на самом деле, от души — с кем бы ему ни приходилось сталкиваться в его новой непростой жизни, будь то мэр, бизнесмен, простой охранник, бандюган, криминальный авторитет, несчастная бабушка... Все они — люди, достойные уважения, внимания, сострадания и доброго слова. В том числе и посетители с криминальным душком. Как еще мог он относиться к этим убогим, заблудшим здоровякам, которым казалось, что они живут правильно, строго, по понятиям? И каждый раз, когда можно было сказать наконец «инцидент исчерпан»,

Феликса посещало это необычное ощущение пьянящей свободы. Откуда оно взялось? Оно появилось раньше. Тогда, когда он принял для себя принципиальное решение: в очередной раз круто изменить свою жизнь. Очередная порция прошлого постепенно стиралась из памяти, и он получал свободу. Связи, привязанности тянут вниз. Так думал теперешний Феликс. А тот, другой Феликс, «матерый», он ни о чем не думал. Ему было просто хорошо. И он пер как танк, не обращая внимания на препятствия.

Даже в те сумасшедшие годы ему иногда удавалось вырываться из вихря встреч, приемов, совещаний, стрелок, и тогда Феликса несло по родной стране... Поездки тех лет, немногочисленные дни, свободные от работы, поездки с женой и сыном по любимым местам Северо-Запада: яблоневые сады Псковщины, лебеди на озере близ Изборской крепости, Успенский пещерный храм Псково-Печерской лавры, леса и озера Карелии, карельский материковый разлом, церковь в Марциальных Водах, в строительстве которой принимал личное участие его, Феликса, кумир — император Петр Великий...

Откуда вы знаете, что это рука?

О да, я знаю, это по мне колокол вечный звонит,
но в тишине прохладой дышу.

Кобаяси Исса

Вечером, как обычно, Феликс появился у бассейна. Устроился подальше от людей, но Дина опять разыскала его.

— Феликс, Феликс, как же я рада вас видеть! Нет, нет, я должна вас обнять, вы даже себе не представляете, какой вы молодец! Относительно Риты... Вы были абсолютно правы. Я Риточке ничего не сказала о нашем разговоре. А ей сегодня позволили из Петербурга, из каких-то органов... Сказали, что сына нашли и уже освободили. Он на пути к дому, скоро будет. Типа — ждите! Рита взяла билет на самолет, на вечер. Чтобы встретить его. Рита сама не своя, еще не может поверить в свое счастье... Какой же вы молодец, Феликс!

— Спасибо, конечно, но при чем здесь я? — никого не разыскивал, никого не освобождал... Просто хотел поддержать ее... Ну... я почему-то не почувствовал тревоги за судьбу ее сына. Подумал, что там, наверное, чеченцы замешаны, а сейчас уже не те времена... Конечно, я очень рад за Риту и за ее парня тоже, хорошо, что все так закончилось. Передайте ей мои поздравления.

— Все равно, вы — большой молодец. Мне кажется, что вы как-то на это повлияли.

— Ну ладно, Дина, что вы говорите, как я мог повлиять? Кстати, у меня вопрос... Почему сегодня утром никого из вас не было у моря?

— Рита уехала за билетами. Мы с Денисом не пошли, потому что погода плохая, тучи, волны, море взбаламучено и ветер холодный. А вы такой — вам, конечно, все нипочем...

— Да, я купался, и с преогромным удовольствием. В такую погоду в воде теплее, чем на воздухе. Только надо быть очень осторожным. Нагнало ядовитых скорпен³ — не дай бог ненароком дотронуться до их колючих плавников. А на воздухе действи-

³ Скорпены — род морских лучеперых рыб. Одни из самых опасных морских животных. Название этих рыб происходит от принятого в иностранных языках наименования «скорпионовая рыба».

тельно очень холодно... Пока мокрый. Завернешься быстро в полотенце — и ничего. Экстрим!

— Мне не дает покоя ваш вчерашний рассказ. Мы могли бы еще немного поговорить на эту тему?

— Отчего же, давайте поговорим. Мы с вами все вдвоем и вдвоем. Денис не станет ревновать, он у вас ревнивый?

— Ничего не могу сказать. Мы с ним дружная пара... У него никогда не было причин для ревности, я не давала повода. Надеюсь, и впредь не будет...

— Ну, выкладывайте, что вас беспокоит?

— Я, наверное, надоедливая... Скажите, когда в первый раз вас посетило озарение, прозрение... просветление, что ли... не знаю, как это правильно называть?

— Вы имеете в виду «мистическое откровение»? Опять настраиваете меня на исповедальный лад. Первый раз... это было давно. Точно не помню — мне, наверное, чуть больше двадцати. Я увлекался Гитой⁴. Читал о беседе великого Арджуны с Черным Кришной (Шри-Кришной).

Тот наставлял Арджуну перед битвой. Говорил, что воину необходимо выполнить свой долг, не следует избегать сражения, хотя оно несет гибель множеству достойных людей. «Найди в себе бойца, пусть он сражается за тебя. А сам не участвуй, оставайся над схваткой» — читал я слова Кришны и в этот момент почувствовал пробежавший по спине холодок.

Я понял, что не один. Что рядом кто-то есть. Сильный, добрый, кто-то, с кем мне по-настоящему хорошо, так хорошо, как было когда-то давно, в прежних жизнях, о которых я ничего не помню, будто я снова нахожусь в «отчем доме». Нет, это был совсем не Кришна... Не отец ли небесный посетил меня в тот момент? Я почувствовал, что все вокруг — это Бог: и люди, идущие по улице за окном, и мамаша на скамеечке с ребенком на руках, и молоко, которое она наливает в кружку для своего дитяти... Потом это чувство возвращалось ко мне, иногда — при чтении Евангелия или преподобного Антония Сурожского, а бывало и тогда, когда совсем не ждешь ничего такого.

— Могу это понять. Со мной случалось нечто подобное. Черный скворец постукивает желтым клювом в окно... Или песню услышишь. Что-нибудь лирическое... Когда девушка встречает своего парня после армии, а ты случайно подглядишь со стороны... И сердце вдруг так защежит, а на глаза будто слезы наворачиваются. Чувствуешь беспричинную радость... И почему-то плакать хочется... Все плохое забывается, жизнь снова кажется прекрасной, и ты опять готов к любым неожиданностям...

— Дина, вы пишете стихи?

— Да нет, совсем нет, почему вы решили?

— Поэты принимают все слишком близко к сердцу. Они навязывают нам эмоции применительно ко всяким обыденным, житейским вещам, применительно к явлениям природы и живого мира, которые, по моему мнению, начисто лишены всякой эмоциональной начинки.

— Мне казалось, что это и составляет смысл поэзии. Разве не эмоции — основа поэзии и музыки? Вы не будете возражать, если я закурую?

— «Дайте мне ответ. Верно, это цикада пеньем вся изошла? Одна скорлупка осталась». «Слово скажу — леденеют губы. Осенний вихрь!» «Я сейчас дослушаю в мире мертвых до конца песню твою, кукушка!»

— Что это?

— Японские стихи. Очень хорошие. Но в них, согласитесь, нет особых эмоций.

⁴ Бхагавадгита (санскр. «Божественная песнь» или «Песнь Господа») — памятник древнеиндийской религиозно-философской мысли на санскрите, часть шестой книги «Махабхараты».

— Здорово вы переполошили нашу небольшую тусовку. Особенно этих снобистских киевских богачей с плохим русским. Я так поняла, что вчера поздно вечером, когда нас с Денисом уже не было, вы имели с ними задушевный похоронный разговорчик. Сегодня они весь день ходят как пыльной подушкой ударенные, словом, не в себе — какие-то нервные и взволнованные; можно предположить, что вы сделали им какие-то предсказания, я не ошиблась?

— Не понимаю, почему считается хорошим тоном по каждому поводу испытывать и обязательно демонстрировать свои эмоции. Моего отца уже нет, матушки — тоже, ничего о них сказать не могу. А вот родители жены убеждены, что это отличительная черта каждого нормального человека — находить какие-то вещи грустными, неприятными или, наоборот — приятными и духоподъемными. Мой тесть, очень неплохой в сущности человек, он волнуется, когда смотрит футбол, когда читает газету и даже когда гладит свои брюки. То же в какой-то степени касается и моей любимой жены.

— Непонятно, Фил, неужели вы сами никогда ни из-за чего не переживаете?

— Раньше я был очень даже переживательным. Но с годами многое во мне изменилось. В последнее время начинаю даже забывать, что такое «переживание». Понимаю, что вещи следует принимать такими, какие они есть, и стараюсь не давать выход своим эмоциям. Надо стремиться, чтобы сознание оставалось гладким, как поверхность воды. От эмоций один только вред. Чем меньше обращаешь внимание на то, что могло бы в принципе тебя беспокоить, тем меньше остается интереса к тебе у носителей, субъектов этого беспокойства.

— Получается, что вы не одобряете всяких там эмоций, чувств и переживаний. А любовь? Хорошо, хорошо, вы любите Бога? Разве не на этом стоит крепость вашего духа?

— Любовь и сантименты — разные вещи. Сантимент, душещипательная любовь — ненадежная штука. Я люблю Бога. Люблю своих близких, люблю жизнь... природу, море. Люблю вас, моя милая собеседница. Но без соплей... и без сантиментов. Богу, наверное, тоже было бы неинтересно, если бы его любили с истерикой и навзрыд.

— Вы любите жену, ребенка?

— Конечно. Но «любить» означает для меня совсем не то, что для вас. Или, например, для них.

— Допустим. Тогда что вы понимаете под этим?

— Они — часть меня, а я — часть их. Наши жизни переплетены так, что трудно разобраться, где я, а где они. Мне необходимо, чтобы они были счастливы, чтобы прожили свою жизнь так, как им этого хочется. Люблю их такими, какие они есть. А вот они любят меня совсем иначе. Они любят меня так, чтобы еще немного меня переделывать на свой лад, любят свои представления о том, каким должен быть, по их мнению, идеальный муж и отец. У нас немного разная любовь. Простите, не скажете, который час? Не пора ли нам на ужин?

— Наверное, рано, пока что нет и шести — видите, солнце не зашло за гору, значит — время ужина не наступило. Мне еще хотелось бы поговорить с вами, хотелось бы лучше понять, что вы подразумеваете... когда говорите о «мистическом опыте».

— Поверьте, Дина, ничего особенного я не подразумеваю. Живу обычной жизнью, как все; но стараюсь жить еще и духовной жизнью, много размышляю, в Индии это, наверное, называется «медитировать».

Как это объяснить? — размышляю, но не думаю. Наоборот, стараюсь, чтобы мысли не пульсировали, чтобы они покинули меня, чтобы я стал пустым и не проспал момент, когда ко мне спустятся небесные посетители... момент, когда сверху придут новые знания, особое понимание и новые смыслы.

Иногда люди замечают, что меня уносит куда-то. Они считают это видом легкой ненормальности... Жена и тесть с тещей считают меня странным. Жена говорит, что я зря слишком часто «думаю о Боге». Ей кажется, что на самом деле я переживаю из-за каких-то других женщин, о которых она ничего не знает. «И знать ничего о них не хочу!» — это ее мнение. Она-де не думает, что я обманываю ее или изменяю, а как бы немного изменяю ей в своих мыслях. В каком-то смысле она права. Но не с женщинами, не с друзьями, не кем-то другим из наших знакомых, ей-богу... Не могу же я все время быть в мыслях только с ней, это невозможно! Я пытался объяснить это, но она, кажется, все равно не очень мне верит.

Феликс задумался.

— Знаете, это так непросто — научиться преодолевать четырехмерное пространство-время. Я бы хотел научиться этому.

— Что-то я не понял! Звучит как-то несерьезно. Разве можно преодолеть четырехмерность вещей? Вот пластиковый лежак. Что было раньше с ним, чем он был — пластиковыми мешками или детскими игрушками китайского производства, чем он станет — бутылкой для молока или водопроводной трубой? Даже с трехмерностью лежака есть проблемы. Как ее можно преодолеть? У него есть форма, длина, ширина...

— Дина, я знаю, что вы образованный человек, к тому же еще и хороший полемист. Как я это все вижу? Мы считаем, что у вещей есть границы, просто мы не умеем смотреть иначе. А вещи? — им все равно, как их воспринимают, на самом деле они совсем не такие. Все окружающее, и мы с вами в том числе, пронизано энергетическими линиями, которые связывают все со всем. Вещи не имеют границ, они переливаются одна в другую. Дайте мне вашу руку.

Дина улыбнулась:

— Эту?

Феликс кивнул.

— Что это?

— Как что? Рука!

— Откуда вы знаете? Вы знаете, что это *называется* рукой, а может быть, она вообще не рука? Докажите, что это рука.

Дина опять закурила.

— Рука — она и есть рука. Как она еще может называться? Нельзя же рукой называть одновременно руку, ногу и плечо. Тогда мы спутаем одно с другим.

— Вы рассуждаете логически, пытаетесь дать осмысленный ответ. Так работает наш бедный, довольно ограниченный мозг. Из-за этого мозга у нас возникает путаница с тем, что мы называем временем, он не может охватить явления в целом. Поэтому мы находимся всегда только в одной точке — то живем в настоящем, то вспоминаем о прошлом, то мечтаем о будущем. А если отключить мысль, мы сможем перемещаться во времени, находиться одновременно и в прошлом, и в настоящем и, например, вспоминать не только о прошлом, но и о будущем, а также мечтать, например, о прошлом. Извините, Дина, я немного отвлекся, вернемся к вашей руке. Сожмите пальцы, что получается?

— Кулак.

— А где рука? Осталась? Так что это — рука или кулак?

— И то, и другое.

— Разожмите пальцы, куда делся кулак? Нет его. То-то! Чтобы вырваться из привычных понятий, надо избавиться от логики. Чем меньше будет логики, тем лучше мы сможем понимать окружающий мир.

Официант в белых шортах и белой футболке предложил прохладительные напитки. Дина обескураженно молчала.

— Джин-тоник со льдом для меня и фруктовый коктейль безо льда для дамы, — заказал Феликс.

— Нам всем надо вернуться на десять тысяч лет назад, когда праотец «человеков» Адам знал существо каждой вещи и давал им имена в соответствии с их существом. Великие учителя прошлого оставили нам специальные упражнения, чтобы мы научились отключать повседневную, до оскомины навязшую на зубах, обычную логику. Они оставили вопросы, о которых надо размышлять, но не следует искать на них ответы. «Монах подал золотую монету нищему. Кто должен благодарить — нищий монаха или монах нищего?» «Вода не имеет ни ребер, ни костей. Почему она легко держит на плаву огромные суда?» «Молния ударила в землю. Где у нее начало, где конец?»

Надо очистить голову и все вернуть на свои места, научиться понимать то, что кажется навсегда утерянным.

Можно изучить, как устроен организм человека, его клетки, хромосомы, понять сложнейшую химию процессов. Но давайте, Дина, зададимся вопросом. Вот вы были когда-то маленьким, хорошеньким эмбрионом. Кто выращивал ваше тело? Питание вам давали. А кто строил стройное тело, этот великолепный, гибкий мозг, оснащенный не только логикой, но и сложнейшими эмоциями и чувствами? Кто помогал вам в этом? Родители? Не-е-е-ет! Родители кормили вас с ложечки, они только подвозили на тележках стройматериалы. А строили вы себя сами. Сложнейшая работа, которой вас никто не учил... И получилось, между прочим, первоклассное сооружение... Есть чем гордиться. Можно даже восхищаться. А кто строил? Сами, вы сами и строили себя, пусть бессознательно... Но сами, сами себя выращивали. Вспоминайте, вспоминайте... А как вспомните, снова станете венцом творения, построенным по образу и подобию... Вот так-то.

Наступила неловкая пауза. Дина выглядела немного растерянной. Ей захотелось поскорее разрядить обстановку.

— Можно спросить вас еще об одном. Если я, конечно, не надоела вам своими дурацкими вопросами... Правда ли, что вы сообщили этой киевской компании, где и когда они умрут. Если не хотите... В общем, извините меня, я, наверное, слишком навязчива.

— Да что вы, не берите в голову. С удовольствием... Пожалуйста, на любые темы. А что касается киевлян... это неправда. Я сказал, где, кому и когда необходимо быть особенно осмотрительным, что можно посоветовать... Потому что про это не следует говорить как о неизбежном. Они чуть ли не силой вытягивали из меня всякое такое. Было совсем поздно, а они все пили коктейли, дымили и без конца выспрашивали.

— Так вы не говорили, где, когда и как они покинут наш бренный мир?

— Ни в коем случае. Я вообще не хотел об этом. Тем более что я не убежден, может, мне только так кажется... А они выспрашивали... потому что-де это влияет на то, чем им лучше сейчас заниматься, как использовать оставшееся время... Ну, вот я им и сказал кое-что.

Феликс помолчал.

— Но про то, кто, когда и как, я не говорил. Мог бы сказать, если б был сам уверен... И то вряд ли. А на самом деле им этого знать и не хотелось... Потому что... В общем, чем бы ты ни занимался, какого бы крутого из себя не корчил... смерти бояться все.

Феликс прилег на лежак.

— Как это, в сущности, глупо. Всех нас ждет такое рано или поздно. Сейчас мы спим. Но в конце концов каждый из нас пробудится. Чтобы покинуть наш мир. Чтобы оказаться ближе к Богу. Причем это может случиться в любую минуту.

— А вы знаете что-нибудь о последних днях вашей жизни?

— Мне не хочется заглядывать за кулисы сцены. Идет спектакль, горят софиты. Надо наслаждаться своей ролью. Пусть все идет своим чередом. Ибо не знаем, в который час Господь наш придет... В который час спектакль закончится... занавес закроют и свет отключат. Разве здесь есть место для трагедии? Ко мне подойдет тот, кому положено, и с огромной силой бросит в длинный тоннель. И тогда я полечу к новому свету, он будет гораздо ярче того света, который мы все знаем, к новой жизни, о которой на этой стороне сновидения нам ничего не известно. Все мы проснемся и вернемся в царство божие, в райский сад, из которого когда-то изгнали наших праотцов. И в которое все неминуемо возвращаются.

— Вы меня удивляете, Феликс. Лично для вас, может быть, тот момент, когда занавес закроется и свет погаснет, не будет трагедией. По крайней мере, именно так вы сейчас об этом говорите. Ну, а как близкие, жена, ребенок? Наверняка... Это ведь будет для них ударом. Почему вы о них не думаете?

— Вы правы, Дина. Если я по какой-то причине исчезну из их жизни... или уеду. Исчезну, одним словом. Они это все воспримут совсем по-другому. Потому что у них уже заготовлены специальные названия на этот случай. И чувства. Знаете, я могу ошибаться. Не хотелось бы, чтобы это выглядело так, будто я вас поучаю, говорю свысока и все такое... Просто вы спросили... А я именно так вижу это, вижу и ощущаю...

Феликс внезапно поднялся с лежака, руками подтянул к себе согнутые ноги.

— Давайте представим себе, Дина, что у вас есть любимая кошка.

— Это правда, у меня есть любимая кошка.

— Вот, например, вам приснится сегодня, что ваша киса-мурочка внезапно умерла, на нее набросилась соседская собака... В общем, она скончалась, и вы будете переживать и мучиться во сне, потому что ужасно любите свою киску. А потом вы проснетесь — и вот вам, пожалуйста, все в порядке, кошка спит у ваших ног. И вы понимаете, что это был просто сон.

Дина кивнула.

— Ну и что? Что это нам с вами объясняет?

— Если ваша киска и вправду погибнет от нападения ужасной собаки, вы будете переживать. Но это будет в точности так же, как во сне. Просто вы этого не поймете, потому что ваша жизнь-сон продолжается. А когда сон закончится, на той стороне сновидения, только на той стороне, вам станет очевидно, что это был просто сон.

Дина медленно терла левой рукой виски. Ее правая рука — потухшая сигарета между пальцами — неподвижно лежала на подлокотнике. Мертвенно-бледная, как бы неживая, под яркими лучами заходящего солнца.

Старомодные игры

Скажи мне, для чего, о, ворон,
в шумный город отсюда ты летишь?
Мацуо Басё

На следующий день Феликс поднялся опять очень рано. Вышел за пределы территории отеля и направился в сторону старого города по скалистым безжизненным холмам, аккумулировавшим в своей кирпично-красной тяжелой плоти жаркое тепло безжалостного египетского солнца. Небо покрылось низкими облаками, и время от времени на нашего путника налетали порывы довольно холодного ветра. Хол-

мы и беспокойная поверхность Красного моря, взявшего, видимо, свое название от напряженной декоративной окраски его берегов, — весь библейский пейзаж, напоминавший о временах исхода евреев из Египта, был заметно притушен тенью от одеяла этих низких и неприветливых облаков. Чьей-то могущественной рукой и по чьей-то воле облачная пелена оказалась разорванной как раз над тем местом, где Феликс легкой походкой совершал свой довольно ординарный вояж к старому центру. Словно солнце открывалось только ему одному, только ему одному улыбалось и приветливо освещало тропу, как бы одобряя сегодняшние начинания одинокого путника.

Сакральная земля. Именно здесь, наверное, Моисей обратился к Богу за помощью и, наученный небесным властелином, жезлом своим ударил по воде... Море расступилось, и евреи пошли посреди моря, аки по суше, вода же стала им стеною по правую и по левую стороны. Может быть, как раз отсюда первая пара чернокожих кроманьонцев, которых потом в святой книге окрестили Адамом и Евой, отправилась на стволе оливкового дерева в опасное плавание через Красное море в поисках земного рая. Отправилась в неизвестное будущее и обрела свой рай в Месопотамии, где и дала начало роду человеческому. Как же здесь хорошо, ведь именно здесь — начало всех начал! Нет, не случайно я оказался один на один с древней землей Египта. Это рука провидения. Как бы мне хотелось задержаться, остаться надолго, очень надолго, в этой грозной, загадочной стране, где упрямый путник сможет, наверное, постигнуть смысл жизни, бесконечно балансируя на тонкой грани между жаром раскаленных холмов уснувшей суши и прохладой неумолчного, неугомонного моря. Остаться одному — только я и эта таинственная земля. Затеряться, как затерялись Адам и Ева, которых никто не знал, никто не искал и никто никогда не ждал. Превратиться в пустоту, в полное ничто.

— Ну вот, еще чуть-чуть, еще совсем немного, — размышлял Феликс. — Скоро вокруг меня, рядом со мной можно будет различить только туман, один лишь туман... и больше ничего. Никто здесь не знает, чем я занимаюсь, кто я, откуда родом, кто мои мать и отец. Я свободен, почти свободен... Конечная цель близка. До нее шаг, последний шаг... Истина где-то здесь, совсем рядом... Не случайно мой отель называется «Лампа Аладдина». Наверное, мне удалось потерять эту волшебную лампу. Что-то со мной странное происходит... — горло перехватывает, на глаза слезы наворачиваются... Может, это предчувствие чего-то особенно радостного, слезы, так сказать, очищения? Предчувствие какой-то новой, светлой жизни?.. Напоминает то, о чем Дина вчера говорила. Тишина. Какая-то особая. И одновременно — неземные звуки, наверное, это ангелы с небес спускаются, протягивают мне руку помощи. Иду, иду... Нет, уже не иду... Я готов лететь, ноги и так едва земли касаются...

У меня уже почти нет личной истории. Из моих новых знакомых... Только Дина знает о жене и ребенке. Кто эта Дина? Просто знакомая, как приехала, так и уехала. И нет ее. Меня тоже почти нет. Нет нужды в моей истории. Это не мое прошлое. Было нечто. То, чего уже нет. И ничего не осталось в памяти других людей. Потому что никому не интересно личное дело какого-то Феликса Эйлера из далекого северного города. И мне тоже оно не нужно. Все знаки на пути уже расставлены, они говорят, подсказывают: не нужен, не нужна... Надо только решиться. Еще один шаг... И разом избавиться от прошлого. Как от привычки курить. Зачем держаться за него? Жить здесь и сейчас. В течение двух дней я дважды встречался со своим прошлым. Прошлое задавало вопросы, суетилось и переживало. А у меня не возникало вопросов к прошлому, задавать ему вопросы — никчемное, бессмысленное занятие. История мне не нужна. Она шумит, вызывает страхи, беспокойства... Ка-

кая уж тут тишина, какая гармония? Головой я согласен с этим, интеллекту представляется довольно заманчивым получить полную свободу от своей истории. Но такая свобода... как бы это сказать? От нее почему-то веет грозным и неуютным одиночеством.

Временами я думаю, что личная история мне ужасно дорога. Без глубоких семейных корней в моей жизни не было бы преемственности, цели, не было бы математики, которую я так люблю, не было бы традиционных семейных ценностей. И в то же время... Кажется... нет, я уверен — эти связи и это прошлое держат меня мертвой хваткой, не дают пошевелиться под тяжестью опыта, традиций и воспоминаний, не дают сделать ни единого шага, ни одного нестандартного поступка; боюсь, если так пойдет, у меня больше никогда не появится собственных мыслей и идей. Надо освобождаться из плена традиционных ограничений; на наши поступки незаметно влияют, давят, связывают... нас держат в узде стереотипы и ожидания других людей. Никому не рассказывай, Феликс, что ты делаешь. Расстанься со всеми, кто тебя хорошо знает. А кто у тебя остался? Только самые близкие, только Вероника и ребенок, которых ты любишь... любишь больше собственной жизни. Какой же ты бездушный, Феликс, как ты можешь думать о том, чтобы оставить их? Это же форменное предательство... Если так получится, что я все-таки расстанусь с ними... Они будут и дальше жить в моем сердце, я, конечно, не забуду их, буду любить... так же, как и прежде. Может быть — даже больше. Но впредь я уже ничего не услышу о них, а они — обо мне. И тогда Феликс Эйлер перестанет существовать, перестанет наконец быть реальностью, превратится в туман, туман, сливающийся с вечерней мглой. И никто не сможет сказать, кто этот седовласый незнакомец. Тогда-то и наступит момент, когда можно спросить самого себя: «А сам-то ты знаешь, кто ты?» И ответить себе: «Я-то? Будь уверен, Феликс, я тоже не знаю, кто я такой».

Феликс широко раскинул руки, осмотрел красные холмы, тропинку, по которой он шел, море вдалеке и громко засмеялся:

— Откуда мне знать, кто я такой, если все это я?! Когда нет определенности, мы все время начеку, всегда готовы к прыжку. Как это интересно, если не знаешь, за каким кустом прячется кролик! Хотя какие кролики могут быть в Египте? Но пока это не совсем так, моя проблема в том, что пока я слишком реален: у меня реальные намерения, начинания, действия, настроения, побуждения...

Не знаю — готов я, не готов, — пора принимать решение, наверное, пора уходить. Это так нетрудно — затеряться в диком Египте, стать похожим на обычного пожилого араба, ни с кем не дружить, никому о себе не рассказывать. Дружить только с теми, кто тебя не знает: Эсхил, Еврипид, Данте, Шекспир, Кафка... Здесь тоже есть Интернет; я могу говорить с самыми мудрыми, с теми, кто ближе моему сердцу, с теми, кого уже нет, кто не может думать обо мне, питать ко мне каких-либо чувств, хороших или плохих. Буду писать книгу о том, что видел, знаю, о том, что лично пережил. Об истории моего народа, о загадках человеческой психики, о том, что шепчут мне по ночам тайные голоса. Вопрос, конечно, только в жене и ребенке. Здорово рассуждая... с ними ничего не может случиться, когда меня не будет. У них есть все, чтобы жить безбедно. Конечно, они будут скучать по мне, им будет меня не хватать. И мне тоже. Будет не хватать их. Но они смогут постепенно найти свою дорогу, если будут точно знать, что меня уже нет. Время лечит. Может быть, им в конце концов будет даже лучше без меня. Вероника моя, она еще женщина в самом соку, красавица, она, конечно, сможет устроить свою жизнь, если захочет. Вопрос только в том, как мне тихо исчезнуть, пропасть с горизонта? У меня, наверное, много общего с Федором Протасовым⁵. Тот не мог вести «добропорядочную» жизнь, жизнь

⁵ Федор Протасов — центральный персонаж пьесы Льва Толстого «Живой труп».

по канонам того времени; что бы он ни делал, всегда чувствовал одно и то же: «То — не то... этого — не надо... а вот такое и вообще стыдно». Или вот еще: «Быть водителем, сидеть в банке — так стыдно, так стыдно... Служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь...» Сбросить прошлую жизнь, как герой Льва Николаевича, сбросить, словно старое, обветшалое платье. «Смотри, обветшалое платье мы сбросим, а после другое наденем и носим». Много раз в жизни я уже делал это. Стирал прошлое. Как рекомендовал Кастанеда. Но как сделать это сейчас? Оставить на пляже одежду, в номере — паспорт и документы. Вроде — ушел купаться и не вернулся. Разве можно найти человека в огромном Красном море? «Мои» попереживают и смиряются в конце концов... Но вообще-то ерунда получается... Свинство, конечно, и довольно трусливо. Это какая-то не та роль... Для слабосильного, что ли? Нет, все-таки разные мы с Протасовым. Быть «живым трупом», это что значит? Быть опустившимся, опустошенным, изжившим себя, ничемным, никудышным... Не моя роль. Для меня это тоже непросто. Поступок... Отважный, наверное... Но я ведь всегда так поступал. А теперь? Не знаю, не уверен. Придется напрямую с Вероникой говорить — типа «расстаемся». Непростая задача получается, что я могу ей сказать? Духовные поиски, стереть прошлое... Как это объяснить? Не поверит. Не поймет и не поверит. Сказать, что потерял к ней интерес как к женщине... Тоже неправдоподобно, с чего бы это? Супер, а не женщина. Никто и сорока не даст. На улице мужики норовят записку ей в руку сунуть, свидание назначить. Сказать, что встретил другую? В принципе правдоподобно, почему бы и нет? Вон эта малышка аниматорша из Испании... Почему из Испании — беленькая, ресницы, брови — светлые, пушистые, какая она испанка? За тридцать уже, далеко за тридцать, а все по отелям мотается, по странам и весям, непоседа какая... А ведь она выделяет меня из всех. Дина тоже выделяет. Но совсем не так. А эта испаночка — точно выделяет, не понимаю, зачем ей такой стариман сдался? Мою-то не проведешь, не возьмешь на фу-фу, она не смирится. Скажет: «Хватит сказки придумывать, сказитель... Опять крыша поехала. Ты что, думаешь, я тебя так просто отдам какой-то профурсетке? Да и нет у тебя никого...» И ведь от нее не спрячешься. Все равно найдет. Она скажет: «Значит, так — слушай меня внимательно, Феля. Несешь черт знает что — седина в голову, бес в ребро. Сегодня делай, что хочешь. А завтра-послезавтра я приеду, словом, как только рейс подходящий будет. Двое суток проведешь со мной в постели — сразу вся дурь из головы вон, быстро все станет на свои места... Ишь ты, другую он встретил...» Нет, с моей так быстро не разделаешься. Куда подевалось твое хваленое спокойствие, Феликс, твоя пресловутая мудрость, твоя прозорливость, твоя способность соединять прошлое и будущее? Почему так болит сердце? Почему вокруг такая тишина, совсем не та тишина... какая-то мертвая, что ли, почему внезапно замолкли неземные голоса? Зачем я все это затеваю? Господи, на Тебя одного уповаю, на правду и милость твою полагаюсь, под сенью Твоей сохрани от вреда, к тебе одному обращаюсь: не оставляй раба своего... Научи, подскажи, укрепи, мудрость в сердце пролей...

«Не горюй, Феликс, не рви душу, момент X еще не настал, есть еще время все обдумать, найти верное решение, пусть в голове все уложится, утрясется, пусть сердце успокоится; а „доработать легенду“ — разве в этом дело, что может быть проще? Зачем вообще нужна эта „легенда“, не хватает мужества правду сказать?» — Феликс думал, размышлял, сам с собой разговаривал, а ноги тем временем уже выносили его на пыльные улицы старого города Эль-Дахар.

«Правду говорить легко и просто. Если это правда. А в чем, собственно, твоя правда?» — спросил себя Феликс и вошел в здание нового, современного «Апарт-отеля».

Смартфон из будущего

Твой Новый год по темно-синей
волне среди моря городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

И. Бродский

Феликс оказался в шикарном вестибюле свеженького, видимо, совсем недавно возведенного здания. Спросил, где можно найти администрацию. Несколько раз его посылали из кабинета в кабинет. Он бродил по инстанциям, подолгу беседовал с шустрым, приторно приветливым, жуликоватым арабским персоналом. Выяснил, что отель еще строится, вводятся новые жилые объекты, бассейны, зоны отдыха. Не вся территория еще благоустроена. Но пляж... Пляж хороший, уже сейчас вокруг много цветов. Администрации нужны деньги. Поэтому сейчас апартаменты можно приобрести очень дешево. Феликс рассмотрел планы, подобрал уютное бунгало с соломенной крышей, расположенное в дальнем конце территории. На берегу моря. В окружении цветущих кустов. То, что нужно. «Пожалуйста, нам все равно, кто приобретает — резидент, нерезидент. Если оплатите сразу, будет скидка». Покупка укладывалась в умеренную сумму — Феликс мог бы рассчитаться хоть сейчас. «Давайте посмотрим договор, как вы регистрируете право собственности? Меня все устраивает. Сделайте мне копию, я хочу показать юристам. Нет, подписывать договор будем завтра, я приду к вам утром. Будет уже поздно, все будет распродано? Не смешите меня. Если такой спрос, то вы запросили бы вдвое больше, а не продавали бы за бесценок. Уйдет бунгало, завтра его не будет? Ну, не будет так не будет. Будет другое. Да не машите вы руками, я уже все сказал». Феликс нашел мэрию в центре старого города. Поднялся наверх. Отдел регистрации сделок с недвижимостью. «Могу я получить консультацию? Платная? Пожалуйста. Сколько? Сто долларов, хорошо». Консультант Мухаммед, одетый с иголочки, высокий, очень интересный молодой белозубый араб. Приветствовал его на безукоризненном английском. «Учился в Александрии, потом во Франции. Теперь служу в мэрии. Так, посмотрим ваши документы, господин Эйлер». Мухаммед любезно ответил на все вопросы по гарантиям, по регистрации сделки, по виду на жительство, по налогам, по охране и обслуживанию апартаментов. «Рад был вам помочь, господин Эйлер. Рад, что вы решили обосноваться у нас в Хургаде». Мухаммед поднялся, раскинул руки и захохотал. Он становился все выше и выше и заполнил собой все помещение: «Добро пожаловать, господин Эйлер, в наш арабский мир!» «Похоже на то, что этот арабский мир не сулит мне ни тишины, ни спокойствия», — подумал Феликс. Он с удивлением смотрел снизу на огромного Мухаммеда, на его голливудскую белозубую улыбку, а консультант продолжал громко хохотать. Потом неожиданно снова стал деловым, скукожился и стал собирать свои бумажки. «Все, я тороплюсь, вот ваши документы, вот счет — оплатите внизу, на выходе». И мгновенно исчез, сунув файл с документами в руку опешившего посетителя. «Куда вы, Мухаммед? Здесь счет на сто двадцать, а мне сказали — сто». Где теперь его искать? В ресепшн

долго рассматривали счет, объясняли на плохом английском, что, наверное, оказывались еще какие-то услуги, звонили несколько раз Мухаммеду, потом еще кому-то. Ну, давайте карту, сто так сто. Из терминала выполз чек опять на сто двадцать. Мы же договорились на сто. Ничего уже не сделать, мы сняли с карты сто двадцать. Я не согласен. Ну, ладно. Дадим вам сдачу. Долго собирали серебряные монетки и медяки — вот вам десять долларов. А еще десять? Опять какие-то звонки, неясные объяснения. «Ладно, возьмите маску для ныряния», — сказали Феликсу разочарованно. Новая маска пригодится, его, Феликса, маска уже подтекает. Рядом со стойкой висят два десятка масок. Почему маски висят в мэрии, подторговывают ими, что ли? Как тот король из еврейского анекдота, который сказал, что он будет «еще немного шить». Феликс долго мерит маски, находит подходящую... «Эта не годится, — говорят ему, — она стоит не десять, а почти двадцать долларов». — «Ну, тогда дайте наконец мои десять долларов и возьмите назад свою маску». Служащие у стойки опять посовещались и нехотя согласились. Феликс взял маску и хотел направиться к выходу, но нигде не мог найти свои документы. Он долго всех расспрашивал, опять побегал в кабинет Мухаммеда, никак не мог его найти, нашел в конце концов кабинет, но там не оказалось ни Мухаммеда, ни документов. Да, когда долго возишься с мелочью, это к неприятностям. Черт с ними, документами, завтра оформлю новые. Правда, эти прохиндеи могут поменять цену. Он обнаружил, что пока бегал, где-то потерял свои сандалии. К счастью, шорты при нем. Хоррош бы он был — остаться без штанов при таком стечении народа. Но где же здесь выход? Из этого сооружения. Из арабского мира, который, похоже, не обещает ему ни спокойствия, ни умиротворения. Куда вдруг подевались ощущение сакральной тишины, звуки неземной музыки, предчувствие новой жизни и ожидание таинства?

Надо выбираться из этого чуда неомусульманской архитектуры. Феликс оказался в огромном холле неизвестного назначения. Полированный гранитный пол, по периметру — стеклянные стены. Во всех направлениях бегут задумчивые люди с бумагами, торопятся... У всех свои дела. Что я здесь делаю? Прочь, прочь... Феликс медленно поднимается в воздух и летит. Вот и славненько, я теперь, оказывается, умею летать. Слава богу, я умею летать, иначе как бы я покинул это ужасное заведение? Полет почему-то получался совсем даже не стремительный. Может, мешает маска в руке, может, именно она перекашивает, разбалансирует движение? Феликс летит медленно и очень низко. Никто из служащих не обращает на него ни малейшего внимания. Облетает вдоль всех стеклянных стен — нет выхода. Поднимается к стеклянной крыше атриума и вдруг оказывается на свободе. Прохладный ветер остужает его разгоряченное лицо. Над берегом и морем нависают свинцовые тучи. Совсем низко. А внутри них посверкивают молнии. Не стоит высоко забираться. Феликс летит над самой землей. Вначале было светло и ясно, все хорошо видно, потом он попадает в полосу сплошного тумана. С трудом рассматривает стрелки на циферблате часов. Сколько времени? Шесть утра? А он вышел из отеля в пять. Ему казалось, что он пробыл в старом городе целый день, а выясняется — всего лишь час. Ну что ж, значит, он не пропустит утреннее купание. Странно, почему офисы в Египте начинают работать так рано?

Феликс стал ногами на землю, огляделся. Он опять на берегу, у скамейки. Там уже кто-то сидит. Станный тип — летом в дубленке. Правда, без шапки, и дубленка расстегнута. Деловой костюм, рубашка, галстук, очки. Черные кожаные туфли тоже какие-то странные — с длинными пухлыми клоунскими носками, будто набитыми какой-то ватой. «Пожилой», — мысленно окрестил его Феликс.

— Разрешите с вами посидеть? — спросил Феликс. Его голос странно вибрировал и будто исходил не от него, а пришел откуда-то издалека.

— Садитесь, места всем хватит, — ответил «странный тип».

Голос «пожилого» показался знакомым. Феликс сел, посмотрел на свои побелевшие, как бы стеклянные ладони. «Наверное, я сплю. Когда я успел уснуть, неужели там, в мэрии? Прямо на приеме у юриста. Как неудобно получилось. Арабы, наверное, там вовсе обсуждают и смеются над нелепым русским. „Добро пожаловать, господин Эйлер!“ „Как вы себя чувствуете, господин Эйлер? Может, вам подушечку под головку?“ Дон Хуан⁶ рекомендует рассматривать ладони во сне. Тогда сон превращается в реальность, и можно заниматься любыми делами — так, будто это делается наяву. Интересно, что это за тип рядом со мной? Не спит. А сопит — громко, будто во сне. Та же самая скамейка. Любопытно, из каких она теперь времен?»

— Не подскажите, уважаемый, откуда вы и как сюда попали?

— Вы что, с Луны свалились? — спросил «пожилой» хриплым голосом.

«Знакомые слова, знакомая риторика, где-то я эту сентенцию слышал недавно», — подумал Феликс.

— Откуда, откуда? — спрашивали уже об этом. Что с вами, «юноша», забыли, что ли? Объясняю еще раз для слабоумных и невнимательных. Ниоткуда я сюда не попадал. Просто сижу здесь. И когда вы появились, я уже сидел здесь. Сейчас 2012-й. Через два дня будет Новый год. Еще вопросы? Знаю, знаю, хотите выяснить то, что вас сейчас больше всего беспокоит, — недовольно продолжал «пожилой». — Да-а-а, люди не меняются. Кто смолodu был балбесом, останется таким до конца дней. Все суетитесь, суетитесь. Мысли в голове так и шастают, так и шастают. А толку — чуть. Многомыслие — это еще не ум. Жили бы проще. Как обычные люди живут. Не хуже нас с вами. И незачем своей умственностью упиваться. Такие высококолыбы, как вы, они и есть самые дураки. Ничего я вам советовать не буду. Заигрались вы, книжечек разных начитались, вот сами и выпутывайтесь. Поразмышляйте-ка вы, мой друг, над тем, что вам и без меня ведомо. Что говорил Гедель⁷ о неполноте? Мы не можем установить истинность или ложность суждений, не выходя за пределы наших человеческих возможностей. А выйти за эти пределы мы тоже не можем, хоть во сне, хоть наяву. Потому что не боги. Пока что. Пока что мы не боги. Этот парадокс «Я лгу» вы знаете не хуже меня. Напоминаю... Если высказывание ложно, то говорящий сказал правду, и, значит, сказанное им не является ложью. Если же высказывание не является ложным, а говорящий утверждает «я лгу», то это его высказывание все-таки ложно. Оказывается, таким образом, что если говорящий лжет, он говорит правду, и наоборот. Простой пример ограниченности нашего разума. Вы спросите, к чему это я. Объясняю... Вы чего ищете, свободы? Нельзя быть свободным, не избавившись от личной истории. Вроде правильно. Прошлое мешает, ограничивает. Заставляет лукавить, действовать несвободно и напыщенно называть этот малодушный маневр «осознанной необходимостью». Ну, хорошо, вы решили стереть прошлое, быть свободным, как ветер. Теоретически возможно. А с другой стороны? Вы любите своих близких, жену и ребенка, хотите быть с ними, вам с ними хорошо. Им тоже, как это ни странно, хорошо с вами. Если вы остаетесь с ними, вы — не свободны. А отказываетесь от них против своей воли, ради каких-то вымышленных принципов — разве это свобода? И так, и так несвобода. «Очиститься от личной истории, чтобы освободиться», — элементарный парадокс. Не имеющий разрешения. Ни по ту сторону сновидения, ни по эту. Вот так-то, многоумный вы наш. А советовать я вам ничего не стану. Сами

⁶ Дон Хуан. В своих книгах Карлос Кастанеда описывает свое обучение у Хуана Матуса (дона Хуана) — мага, представителя древнего шаманского знания.

⁷ Теорема Геделя о неполноте — теорема математической логики о принципиальных ограничениях всякой формальной системы.

и решайте. Голова-то вам на что дадена? А если мозгов не хватает, спросите сердце... Вот и решайте, вы же свободный человек. Созданный, так сказать, по образу и подобию... И выбросьте вы эту маску. Вы что, ненормальный? Зимой ходить по улицам босиком, в шортах и с маской для ныряния. Правда, зимы в этом году — никакой, декабрь — ни морозов, ни снега. Но с маской по улице — это чересчур.

Феликс подавленно молчал.

— Да не грустите, друг мой, я вам презент сделаю. Чтобы проснувшись, вы точно знали, что мы встречались — вы во сне, а я наяву. Так что не зря вы ладони свои рассматривали. Как дон Хуан рекомендовал. В результате — думали, что вы во сне, а оказались как раз наяву. Видите эту игрушку? — смартфон называется, его нетрудно освоить. У вас пока нет таких. Вы из 2000-го? А, из 2002-го, ну все равно — у вас нет таких. Посмотрите, вот так можно звонить. А так — нажимаю S — разговаривать по скайпу. Да не задавайте вы вопросов, смотрите, смотрите.

На экране появилось знакомое женское лицо, похожее на лицо Вероники.

— Говорите, юноша, говорите, — подсказал «пожилой».

Феликс молчал, а знакомый женский голос оживленно вещал с экрана.

— Феликс, это ты? Что-то тебя плохо видно. Что ты хочешь? Вышел на полчаса за елкой... А тебя все нет и нет. Давай-ка возвращайся скорее. Пора елку устанавливать, Новый год на носу. У меня тут, кстати, почти все лампочки поперегорали, надо срочно поменять. Терпеть не могу, когда в доме рыбий жир вместо света. Давай шевелись, конец связи.

Феликс проснулся весь в слезах. Ему снилось, что какие-то люди хотели разлучить его с семьей и уже почти разлучили. Он кричал, бился изо всех сил, дрался — ничего не мог сделать. Попытался вспомнить подробности сна — тоже не получилось. Осталось только очень сильное переживание, такое впечатление, будто все это происходило с ним не во сне, а наяву. Нет, это было все-таки во сне, именно во сне. Тем не менее Феликс долго не мог успокоиться. В памяти всплывало жесткое, наглое, улыбающееся лицо чеченского полевого командира. Почему-то Феликс точно знал, что его зовут Магометом. Наверное, этот белозубый горец и забрал его жену и ребенка. Магомет громко хохотал: «Теперь ты никуда не денешься — как миленький будешь на нас работать, а иначе твоим полный кирдык будет. Добро пожаловать в наш мусульманский рай, господин Эйлер!» Ужасный сон! Там была еще какая-то мелочь, какие-то монетки, это всегда к неприятностям. А тут не просто неприятности... Потеря близких, потеря свободы. Крушение всего, что по-настоящему дорого...

Феликс обнаружил в руке какой-то незнакомый гаджет с большим экраном. «Очередная игровая шелобушка». Он напроць не признавал электронные игры. Брезгливо потрогал какие-то кнопки, потыкал пальцем в экран. Появились фотографии. Вот отель, в котором он живет, парк, набережная, уютные уголки пляжа. Вот его номер. А это «Апарт-отель» в старом центре — однажды во время прогулки Феликс видел издали этот новый отель. Вот вестибюль, номера отеля. Бунгало на берегу моря. Открыточные виды, живописно — ничего не скажешь. Какое-то административное здание — возможно, местная мэрия. На фото — жуликоватые лица персонала. Какой-то улыбающийся белозубый арабский красавец в безукоризненно сидящем костюме. «Очень похож на Магомета, который приснился мне этой ночью, — подумал он. — Странное совпадение. Просто один к одному». Разглядывая значки и кнопки, Феликс обнаружил, что гаджет позволяет звонить по телефону. На экране высветился только один номер. Номер незнакомый, но первые

цифры +7921 — это номер питерского «Мегафона». Нажал кнопку «вызов»... Длинные гудки, потом механический голос произнес: «Абонент вне зоны приема». Феликс заинтересовался «иконкой» на экране в виде буквы «S» и вызвал эту «S». Он не знал о существовании «скайпа», но вызов почему-то делал осознанно. Закрутился бегунок, побежал по светящемуся колечку, на дисплее появилось имя его жены. Феликс ткнул пальцем в «вызов» — гудок, пауза, надпись: «Абонент вне сети». Что за ерунда, откуда взялась эта штука? Позвонил администратору отеля.

— Мистер Эйлер. Через три дня вы покидаете наш отель. Мы очень благодарны вам за то, что вы выбрали именно наш отель. Гаджет, о котором вы спрашиваете, это наш комплимент. Мы оставили его вчера на вашей подушке вместе с ночной шоколадкой на память о нашем отеле «Лампа Аладдина» и о счастливых днях, которые вы здесь провели. Спасибо, мистер Эйлер.

Внимательно осмотрел гаджет. Пиаровская финтифлюшка. С виду сделано неплохо. Начинка — примитив, дешевая китайская поделка. Вышел на балкон и зашвырнул гаджет в цветущий куст рододендрона.

Он снова вспомнил о том, о чем размышлял последние три дня — «стереть личную историю, чтобы стать свободным». Одна из главных рекомендаций учения дона Хуана «Путь знания индейцев племени яки». Ловушка для ума. На первый взгляд все логично, а на деле... ерунда какая-то получается. Что хорошо для тольтеков⁸ и дон Хуана, для современного человека — просто бездушная схема, убивающая живую душу... Вместо обещанного освобождения... Многомыслие — это еще не ум. Излишнее знание тяготит, оно тянет вниз, делает несвободным. Стереть прошлое, говоришь, дон Хуан? *Лишние знания, лишнее* надо стирать, просто следует освободить голову от всякого словесного хлама. Дон Хуан и даже дон Карлос⁹... Они, конечно, ни в чем не виноваты перед нами. А вот кто раскручивает «кастанедовцев»... Кто превращает последователей древнего учения в секту... Кастанедоведение превратилось в бизнес. Не слишком ли все это стало публичным? Ведь изначально учение тольтеков распространялось совсем не так — бережно, тайно, из рук в руки. Виктор Санчес¹⁰, кто вы? Пособия, всяческие растолковывания, упражнения, группы, ученики... Просто бизнес. Для них бизнес, а я-то здесь при чем? «Бойтесь единственно только того, кто скажет: „Я знаю, как надо!“»¹¹. В чем здесь отличие от сект: от секты Виссариона¹², нового мессии, от секты Муна¹³, программирующего межконтинентальные христианские браки? К черту лишние знания, к черту «стирание прошлого»!

Феликс вновь чувствовал себя сильным, молодым и свободным. «Я свободен еще и в том... В конце концов, я сам решаю, забыть свое прошлое или нет. Люблю мою Веронику, люблю нашего сына. Они меня тоже. Если люди нужны друг другу,

⁸ Тольтеки — индейский народ юто-ацтекской языковой семьи, живший на территории средневековой Месоамерики. Тольтеки — одна из величайших цивилизаций прошлого.

⁹ Карлос Кастанеда (дон Карлос) — американский писатель и антрополог, этнограф, мыслитель эзотерической ориентации и мистик, автор книг-бестселлеров, посвященных шаманизму.

¹⁰ Виктор Санчес — мексиканский исследователь, создатель рабочих семинаров для личностного и духовного роста. Вдохновленный книгами Карлоса Кастанеды, он разработал широкий спектр техник и методик для личностного и духовного роста.

¹¹ А. Галич. «Поэма о Сталине».

¹² Виссарион — основатель и глава нового религиозного движения «Церковь последнего завета». Последователи Виссариона убеждены, что он — «Второе пришествие Христа». Христианские церкви считают, что Виссарион-шарлатан, Лжехристос и лжепророк, его община — тоталитарная и деструктивная секта, а его последователи — несчастные люди.

¹³ «Церковь объединения» — новое религиозное движение, основанное Мун Сон Мёном в 1954 году в Сеуле. «Церковь объединения» причисляется к деструктивным и тоталитарным сектам.

зачем отказываться от этого, зачем по живому резать? Какая тут может быть гармония? Разве в этом состоит свобода? Господь никогда не требовал отречься от любви... К черту догмы! Я готов выслушивать чьи-то рекомендации, если это интересно — почему бы и не послушать? Но решать буду сам. Кто, если не я, поддержит Веронику? Кто сына научит, что надо выбирать собственный путь в жизни, а не плыть по течению, сложив ручки?» Феликс позвонил в ресепшн.

— Закажите, пожалуйста, такси. В аэропорт. Да, я уезжаю.

— Но, мистер Эйлер, у вас же оплачены еще три дня.

— К черту три дня.

— Когда вам подать машину?

Феликс осмотрел разбросанные по номеру вещи. Заметил новую, ни разу еще не использованную маску. Надо бы ее испытать. Может быть, сходить еще разок на море? К черту море!

— Я буду готов через тридцать минут.

Ровно через полчаса Феликс вышел из отеля с дорожной сумкой. Такси уже ждало его. Больше всего на свете ему хотелось в этот момент поскорее оказаться дома и нырнуть к жене под одеяло.

Новый 2012 год. Отшумели зимние каникулы. Феликсу вспомнилась неожиданная встреча с прошлым за два дня до праздников. Вспомнились другие похожие встречи, которые произошли в Хургаде десять лет назад. Он нашел тетради со старыми записями, некоторые сорокапятилетней давности. Листал пожелтевшие страницы, читал, ухмылялся, в какой-то момент даже немного загрустил. Нашел последнюю запись.

«Май 2002 года. Пока хватает сил, не стой на месте, плыви „по“ или „против“ течения. Возвращайся к прошлому, цени свое прошлое. Или опережай время, плыви вперед, приближай будущее. А силы кончатся — время успокоит всех — и первых, и вторых, и тех, кто никуда не стремится. Не стоит думать об этом: пока жив, ты — властелин времени. И сего дня. И прошедшего. И будущего. Позаботься только о том, чтобы дети продолжили твое дело. Стали настоящими повелителями времени, а не плыли по течению, сложив руки в ожидании, куда это течение их вынесет».